

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 Г.

Автор: pavel

11.04.2020 13:23 - Обновлено 11.04.2020 13:29

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 г.

Историческое общество, основанное в 1864 году в Петербурге. Председатель Л. Ф. Киселева
§3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XVI в.

Во второй половине XVI в. в споры о характере царской власти включился сам государь

– *Иван IV Васильевич Грозный*. Его оппонентом явился беглый опальный боярин *Андрей Курбский*

(ок.1528– 1583). Сочинения Андрея Курбского весьма примечательны по своему настрою. Потомок старого знатного рода, Курбский пытался представить свое бегство как древнее феодальное право отъезда. Однако сам он уже не верил в такое право и вынужден был оправдываться перед современниками и потомками.

Положение советника и воеводы при самодержавном царе, очевидно, устраивало его больше, чем право феодала – вотчинника. И в критике правления Грозного он апеллирует не к правопорядку удельной Руси, а к *периоду правления «Избранной рады»*. Он награждает самыми теплыми эпитетами Максима Грека, Федора Карпова, Алексея Адашева, Сильвестра. Местные традиции ему представляются гуманными и справедливыми, отклонения же от них он, вслед за Берсенем Беклемишевым, склонен связывать с развращающим влиянием жен – иностранок: Софьи Палеолог и Елены Глинской.

Политическая концепция Андрея Курбского изложена в его *«Истории о великом князе Московском»*, а также в *посланиях к Ивану Грозному*.

Все эти сочинения написаны уже после бегства князя в Литву и на них лежит налет запальчивости в отношении к своему бывшему сюзерену. Но многие важные факты царь и боярин принимали безоговорочно, лишь давая им разную (часто противоположную) оценку.

Идеалом Курбского является сословная монархия:

«Самому царю достоит быти яко во главе и любити мудрых советников своих, яко уды свои». Царь, не получивший «дарований» от Бога, должен «искать доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек, понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной». Однако сознание собственного высокого происхождения постоянно прорывается в писаниях Курбского, и он возмущается приближением к царю лиц «ни от шляхетского роду, ни от благородна». Его беспокоит судьба прежде всего «сильных во Израиле», т.е. бояр, с которыми царь и должен делить власть. Некоторые акценты расставлялись Курбским, очевидно, под влиянием собственной судьбы. Но за его пониманием «законности» имеется и вполне объективное содержание, отчасти реализованное в середине XVI столетия. Не случайно негодование Ивана Грозного обращается на тех лиц и на те порядки, которые представлялись идеальными Курбскому.

Весьма примечателен сам факт включения царя в полемику с боярином. По справедливому замечанию Я.С. Лурье «адресатом послания было все Российское царство». Царь стремился в преддверии опричнины максимально скомпрометировать уже отстраненное, но не потерявшее авторитета в глазах различных социальных слоев правительство «Избранной рады». *Лейтмотив всех рассуждений царя один: ограничение самодержавия в какой-либо форме недопустимо.*

По утверждению Курбского, мысль об отстранении «мудрых советников» была навеяна царю племянником Иосифа Волоцкого Вассианом Топорковым. «Аще хочешь самодержец быти, – сказал якобы Топорков, – не держи советника ни единого мудрейшего себя». Принцип этот довольно широко представлен во всех монархиях и президентских республиках. И нетрудно на практике деятельности Ивана Грозного заметить, как объективные государственные и даже личные интересы заслонялись у царя тупым желанием править неограниченно. Учение «иосифлян» о божественном характере царской власти Иван Грозный взял на вооружение, но интерпретировал его более чем односторонне, без учета пользы и вреда для государства: «Аще праведен и благочестив еси, – обращается царь к беглому князю, – почто убоялся еси неповинная смерти, сие же несть смерть, но приобретение? Последи всяко умрешь». И царю даже в голову не приходит мысль, что убийство невинного человека должно окупаться его смертью, как убийцы, совершившим преступление перед Богом и Законом. Царя вполне устраивала формула, заимствованная из послания апостола Павла: всякая власть от Бога, и любой власти надлежит повиноваться не рассуждая, справедливая она или нет. «Раби, послушайте господий своих... не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но за совесть», – пересказывает Грозный апостола Павла. Царь ставит в пример Курбскому поведение «раба» его Василия Шибанова, который сохранил верность князю, не устрасась смерти.

«Иосифляне» рассуждали о божественном происхождении царской власти, дабы сделать ее орудием политики церковных феодалов. Иван Пересветов звал царя отвергнуть вельмож ради заботы о «воинниках». Царь воспользовался этими советами, однако лишь в той мере, в какой это оправдывало неограниченность его власти. «Или убо сие свет, – возражает он Курбскому в оценке деятельности «Избранной рады», – попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царьствия честию почтенну быти, властью ничим же лутчи быти раба? А се ли тма, яко царю содержати царьство и владети, рабом же рабска содержати поведенная? Како же и самодержец нарицается, аще сам не строит?» Иван Грозный, по существу, не ищет аргументов против «Избранной рады» в ее реальных или даже мнимых ошибках по управлению государственными делами. Цитата из «Писания» для него вполне достаточный аргумент. «Нигде же обрящещи, еже не разоритися царству, еже от попов владому», – говорит он, имея в виду Сильвестра. Между тем влияние Сильвестра носило чисто *личный*, «духовный» характер и ни в коей мере не придавало государственному устройству теократических черт. Царя не удовлетворяло положение первого среди

равных: он горел желанием «строить» все сам. Отвечая на обвинение Курбского в уничтожении «сильных во Израиле», царь замечает, что «Российская земля правится Божиим милосердием... и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы». Держать же ответ за свои действия перед подданными царь не собирался: «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же».

Иван Грозный придавал большое значение наследственному характеру своей власти, равно как мнимому происхождению от потомков брата Августа – Пруса. Шведскому королю Иоганну III царь ставит в укор то, что он «мужичий род, а не государьской», поскольку отец Иоганна получил королевство не по наследству, а был «избран». Любопытно, что царь вообще не признавал за «Свейской землей» статуса «королевства». «А что пишешь – за несколько сот лет в Свее короли бывали, и мы того не слышали, oprичь Магнуша, который под Орешком был, и то был князь, а не король». Следует, однако, отметить, что и шведские короли признавали ущербность своей генеалогии и усиленно стремились найти королевских предков. В самосознании королевской власти всей Европы принцип родовитости играл важнейшую роль. Когда встал вопрос о возможности передачи царского престола не малолетнему сыну Ивана, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Старицкому, царь склонен был рассматривать это как «измену» и заговор против самих основ государства.

Иван Грозный был убежден, что *самодержавное правление само по себе представляет величайшее благо для подданных, поскольку исходит от «боговенчанного» царя.* Поэтому всякое выступление, которое можно было воспринять как попытку ограничения самодержавия или даже как осуждение какого-то конкретного акта царя, рассматривалось им как «измена»,

которая во всех землях подлежит суровому наказанию. Выступая против «своевольства» бояр, царь не стремился к «выравниванию» юридического положения сословий. Адашев и Сильвестр обвинялись в том, что «честию мало вас (бояр. – А.К.)

не с нами ровняюще, молодых же детей боярских с вами честью подобяще». Восприняв совет Пересветова править с «грозою» и опираясь на служилых людей, Грозный решительно не разделял взгляды публициста на холопство, рассматривая в качестве холопов всех своих подданных. Явное предпочтение он отдавал также родовитости перед выслугой. Едва ли не наибольший упрек в адрес Адашева заключался в том, что он «из батожников водворишася». Василию Грязному царь пояснял, что поскольку «отца нашего и наши князи и бояре нам начали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

В спорах о формах государственного устройства и взаимоотношении сословий в России

XVI в. обычно обсуждалась лишь мера участия в политической жизни и привилегий государственной власти, боярства, дворянства и церкви. Только у Вассиана Патрикеева, Максима Грека и Федора Карпова глухо говорилось о крестьянстве, да у Ивана Пересветова – о холопстве. Но в середине XVI в. появляются сочинения, в которых *низшее сословие*

представлено

самостоятельным

и

важным элементом государственной системы.

С рассуждением о значении крестьянства выступил Ермолай-Еразм.

Ермолай, в монашестве Еразм, выходец из Пскова, в середине XVI столетия оказался в Москве (возможно, в свите митрополита Макария или Сильвестра). Свои политические идеалы Ермолай-Еразм изложил в сочинении «Благохотящим царем правительница и землемерие».

Подобно Федору Карпову, Ермолай-Еразм признавал целесообразность сложившегося сословного деления общества, оставляя за царем функции верховного судьи и правителя. Так же как и Ф. Карпов, но в отличие от Пересветова, он наставлял, что правление должно осуществляться

«истинною и кротостию».

В «нестыжательской» литературе обличалось корыстолюбие и стяжание монастырей. У Максима Грека и митрополита Даниила проявляются элементы критики стяжательства светских феодалов. В этом же направлении развивается критика Ермолая-Еразма. Царю надлежит «неленостно снискати, рассмотря яже ко благополучению всем сущим под ним, не единими велможамы еже о управлении пещис, но и до последних».

В представлении Ф. Карпова опорой государства, его военную силу и организующее начало составляли бояре и служилые люди. Ермолай-Еразм в сложившейся социальной структуре выделял *роль крестьянства*: «Велможа бо суть потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующиися. В начале же всего потребны суть ратае-ве; от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна». Если Иван Пересветов настаивал на введении для служилых людей денежного жалованья, то Ермолай-Еразм, напротив, указывал на тяжесть для крестьянства денежного оброка и ямских сборов: «Ратае-ве же беспрестани различныя работныя ига подъемлют: овогда бо оброки дающе серебром, овогда же ямская собрания, овогда же ина». Публицист не сомневался в необходимости содержания служилого сословия, но восставал против обогащения не по заслугам: «Ратае-ве же мучими сребра ради, еже в царску взимается власть и дается в раздаяние вельможам и воином на богатство, а не нужда ради».

Ссылаясь на примеры из церковной истории, Ермолай-Еразм находил справедливым

отчислять в пользу государства пятую часть производимого продукта. Учитывая, что «злата и сребра ратаеве недоумеючи откуда притяжати», автор рекомендовал «имати от притяжания жит у ратаев житом пятую часть». По мысли Ермолая Еразма, служилые люди получают пятую часть крестьянского урожая непосредственно выделенной для них земли (20 полных крестьянских наделов или 750 четвертей земли во всех трех полях). С поместья должен был нести службу сам дворянин и его вооруженный слуга, причем жить дворянин должен в городе, дабы можно было быстро явиться на службу. Денежные средства служилый человек мог получить продажей избытка оброка в городе. Для удовлетворения государственных нужд определенное количество земли могло быть выделено у разных городов страны. Полученный хлеб также мог реализовываться на рынке. Ямские сборы Ермолай Еразм предлагал переложить на ту часть населения, «ели цыи во градах купующе и продающе и прикупы богатеюще». Та же часть горожан, которая не получала, «многа прибытка» от межгородовой торговли, от ямских поборов освобождается. Очевидно, и в данном случае имеются в виду *социальные низы города*, непосредственные производители материальных благ— *ремесленники*.

Некоторые авторы отмечают близость воззрений Ермолая Еразма взглядам «иосифлян». Но с такой оценкой едва ли можно согласиться. Ермолай Еразм несомненно *осуждал* монастырское землевладение, глухие же указания его на преимущества «священства» перед светскими делами, носят скорее нравственно-этический характер, нежели экономический или политический. И «нестяжатели» отводили важную роль «духовному» совету, поскольку за таковым оставалась единственная возможность воздействия на царскую власть. Разница заключалась в том, что «иосифляне» выступали в качестве представителей церковных феодалов и стремились сделать царя первым среди них, а «нестяжатели» претендовали на роль ревнителей благочестия, душеприказчиков, бескорыстных смотрителей за соответствием поступков правителей христианским нравственным нормам.

Ермолай Еразм был вполне ортодоксальным христианином, с подозрением и неодобрением относившимся к еретикам. Между тем учение «нестяжателей», соединенное с критикой существующей системы, могло, и даже должно было породить стремление к коренным преобразованиям социально-политической структуры. Судя по судебным процессам 50-х гг. XVI в., в центре различных еретических течений стоял последователь Нила Сорского Артемий. *Артемий* был монахом Псковского Печерского монастыря, откуда перешел в заволжскую Порфириеву пустынь. Здесь он развернул проповедническую деятельность, привлекая значительное число учеников и последователей. В 1551 г. Артемий (возможно по инициативе Сильвестра) был поставлен игуменом Троице-Сергиева монастыря, но из-за противодействия «иосифлян» вскоре покинул подмосковную обитель и вернулся в заволжские скиты. В 1553 – 1554 гг. Артемий был привлечен по делу о еретиках и отправлен в заточение в

Соловецкий монастырь. Однако в 1555 г. ему с группой последователей удалось бежать в Литву, где он обосновался у слуцкого князя. Умер Артемий, видимо, в 70-е гг. XVI в.

Артемий являлся крупной политической фигурой. Не случайно он был приближен ко двору и пользовался некоторое время расположением самого царя. Общение с различными общественно-политическими кругами не могло не сказаться на его взглядах. Сохранилось 14 посланий Артемия, но, рассчитанные на широкий круг, они, очевидно, не отражают полностью его взгляды. Ведь и из учения Нила Сорского можно было сделать куда более радикальные выводы, чем это, видимо, казалось самому заволжскому старцу.

Учение Нила Сорского Артемий развивает последовательно и в разных направлениях. Он проповедует *критический подход* к Священному Писанию, конкретизируя основную мысль Нила Сорского: «Суть бо писания многа, но не вся божественна суть». В послании к царю Артемий осуждает тех, кто пренебрегает Евангелием, хотя здесь и нет идеи реформаторов об исключительной значимости Евангелия по сравнению с другими церковными книгами. Им решительно осуждаются те (включая высших иерархов), кто полагает, будто «грех простым чести апостол и евангелие», и кто считает, что обильное чтение является причиной ереси. Артемий *защищает еретиков*, подвергая осуждению исходные положения обвинителей, «ложные клеветы» и сомнительные положения. Вместе с тем он протестует против попыток объявить ересью всякую свободную мысль, даже если в поисках истины человек впадает в ошибку. «Несть бо се еретичество, – замечает он, – аще кто от неведения о чем усумнится, или слово просто речет, хотя истину навикнути, паче же о догматах и обычаех неких. Никто бо с разумом родися когда, но учиться вскому словеси надлежит нужа». С явным осуждением отзывается Артемий и о внешней обрядности, противопоставляя ей «заповедей господних съблюдение».

В литовский период Артемий несколько отошел от первоначальных позиций, столкнувшись с угрозой иного порядка. Князь слуцкий Юрий, оказавший покровительство Артемию, был ревнителем просвещения и православия. Православие в Литве служило идее объединения русских земель (включая Украину и Белоруссию), а угроза просвещению обычно исходила от католической церкви. Здесь Артемий выступал также против лютеранства, видя в европейских реформационных движениях *угрозу идее русского единства*.

На церковных соборах 50-х гг. XVI в., судивших еретиков, Артемий отрицал многое из

того, что ему приписывали обвинители или подсудимые. Сам Артемию настаивал на различении его политической позиции и того, что он говорил «просто так». Попытки и угрозы заточения, а то и смертной казни не располагали к откровенности одних и к признанию своей вины других. Но едва ли случайно, что большинство еретиков отсылали к Артемию – главному источнику их подхода к учению церкви. Среди этих еретиков видное место принадлежит Матвею Башкину – человеку, близкому московским верхам. *Матвей Башкин* отрицал божественное происхождение Христа, а также церковную обрядность. Священники, полагал Башкин, должны были показывать пример пастве. Он считал решительно несовместимым с христианством рабство. Следуя этому убеждению, он освободил собственных холопов, которые остались у него на добровольных началах (очевидно, в качестве вольнонаемных).

Учеником Артемию был и *Феодосий Косой* – представитель социальных низов по происхождению и носитель «рабьего учения». Сочинения Феодосия Косого не сохранились, известно о них лишь на основе полемики с его ярким противником *Зиновием Отенским*.

По сообщению Зиновия Отенского, Феодосий Косой, еще будучи холопом, подстрекал других собратьев к неповиновению. Затем он бежал в монастырь, где скоро получил известность и заслужил уважение среди просвещенной части братии. Феодосий был привлечен по делу Матвея Башкина, но бежал в Литву, где и стал распространять свое учение. Феодосий проповедовал необходимость восстановления христианства во всей его первоначальной чистоте, отвергал какие бы то ни были обряды, не признавал власти и налоги. Восставал Феодосий также против войн – неизменного спутника властодержания. Вслед за неизвестным составителем Никоновской летописи, Феодосий проповедует идеи равенства всех народов: «Все люди едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочие языцы». Однако учение Феодосия не могло захватить сколько-нибудь широкие социальные слои в силу своей явной утопичности. К тому же те, на кого мог рассчитывать Феодосий, не имели возможности услышать его призыв. Они стояли слишком далеко от еще слабо проторенной в XVI в. дороги просвещения.

За еретиками 50-х гг. в ряде случаев встает фигура одного из вершителей судеб середины XVI столетия – царского духовника Сильвестра. *Сильвестр* явно покровительствовал Артемию. Его самого дьяк Висковатый обвинял в ереси, подвергая, в частности, резким нападкам новую трактовку Сильвестром иконописи. Сильвестру принадлежит несколько посланий (впрочем, в отношении некоторых авторство его оспаривается). Он принял также участие в составлении или редактировании «*Домостроя*»

– сборника наставлений для зажиточного горожанина. В

«*Послании наказания от отца к сыну*»

Сильвестр, как и Матвей Башкин, «работных своих всех свободих и наделих; и иных окупих из работы на свободу пуцах». «Домочадцы» живут у Сильвестра «свободно», очевидно, по найму. Сильвестр гордился тем, что он «изучих кто чего достоин; многих

грамоте, и писати, и пети, и иных иконного писма, инех книжного рукоделия, овех серебряного мастерства и иных всяких рукоделий, а иных всякими многими торговли изучих торговати». С удовлетворением Сильвестр отмечал успехи бывших «работных» своих на самых различных поприщах в качестве «свободных».

Наступление на еретиков по времени совпало с отстранением Сильвестра от государственных дел. Слабость городов и подчиненность их власти феодальных наместников лишали материальной базы реформаторские устремления церковных и светских деятелей. Зато ереси побуждали феодалов сплачиваться для сохранения своих привилегий. Ливонская война существенно деформировала характер споров, а опричнина, по существу, свела на нет. Даже *официальное летописание прерывается 1567г.*

В условиях, когда произвол опричников фактически не регламентировался какими-либо установлениями, прежние споры отходили на задний план как малосущественные. Лишь в отдалении от центра, в монастырях Новгорода и Пскова фиксировались самые трагические события этой эпохи. Но уже с конца столетия снова пробуждается интерес к сочинениям предопричной поры. В 80-е гг. XVI в. была сделана попытка продолжить официозную летопись. В Смутное время начала XVII в. явно слышатся отголоски общественно-политической борьбы середины XVI столетия.

Литература

Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып.1. Киев, 1878.

Архангельский А.С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. 4.1. СПб., 1882.

Бегунов Ю.Г. Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. Т. XII. 1956.

Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.

Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. XXI. СПб., 1909.

Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958.

Зимин А.А. Максим Грек и Василий III в 1525 г. // Византийский временник. Т. XXXII. М., 1971.

Зимин А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953.

Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956.

Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. М., 1969.

Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970.

Каштанов СМ. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.

Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960.

Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. 4.2. Казань, 1860.

Моисеева Т.Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958.

Перевезенцев СВ. Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.

Полосин И. И. О челобитных Пересветова // Ученые записки МГПИ. Т. XXXV. Вып. II. М., 1946.

Ржига В.Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Приложение ЛЗАК. Вып. 3. Л., 1926.

Ржига В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Т. I. 1934.

Розов Н.Н. «Повесть о новгородском белом клобуке» как памятник общерусской публицистики XVI в. // ТОДРЛ. Т. IX. 1953.

Синицына Н.В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей // Византийский временник. Т. XXVI. М., 1965.

Синицына Н.В. «Третий Рим». Истоки и эволюции русской средневековой концепции. XV – XVI в. М., 1998.

Смирнов И. И. Беседа валаамских чудотворцев // Исторические записки. Т. 15. 1945.

Сочинения Ивана Пересветова / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1956.

ГЛАВА XVII. Реформы середины XVI столетия

§1. ПРИЧИНЫ РЕФОРМ «ИЗБРАННОЙ РАДЫ»

Один из постоянных парадоксов исторической науки – привязывать любые возможные

реформы к личности находящегося у власти самодержца. Целые серии книг посвящены «реформам Ивана Грозного»,

хотя эти реформы имели

задачей ограничить деспотический произвол правителя, волей судеб оказавшегося на троне.

А реформы шли, и очень значимые, только не благодаря, а *вопреки*

восседавшему на троне деспоту. Как было замечено ранее, на Руси XV – XVI вв. шла постоянная борьба двух традиций в политической организации общества, которые отразились и в публицистике, и в реальной жизни. Собственно

русское начало

обычно увязывалось с политической линией рано умершего Ивана Ивановича Молодого и затем его юного сына Дмитрия, а

восточно-византийская традиция

ассоциировалась с Софьей Палеолог и ее сыном Василием.

В первом случае «Власть» традиционно прислушивалась к мнению «Земли», которая пользовалась авторитетом, и для этой традиции характерно было внимание к самоуправлению – принципу избрания правящего звена «снизу вверх».

Сторонники византийской традиции изначально ориентировались на структуры, выстраивавшиеся «сверху вниз».

Публицистика XVI в. довольно внятно показала это противостояние.

В целом самоуправление дольше и прочнее держалось *в северных районах Руси*, и значительно слабее было представлено на

территориях, пограничных с Ордой и в других пограничных областях.

В Москве весь XV в. буксовали попытки упорядочить отношения центра и отдельных земель. Иван III, склонившийся незадолго до смерти к восточно-византийским представлениям о власти, упустил реальные возможности провести нужные для государства реформы. И только огромная беда 1547 г. показала их необходимость.

Июньское восстание 1547 г. было вызвано, как это часто бывает, случайными факторами. Страшный пожар, охвативший весь город, уничтожил 25 тысяч домов, погибло до трех тысяч человек, около сотни тысяч осталось без крова (судя по рассказам о пожаре, в Москве в это время проживало более ста тысяч человек). И сразу пошли слухи, что Москву подожгли Глинские. В летописях прямо говорится о возмущении «неправдами», взятками и поборами в судах и о насилиях представителей власти. И все это связывалось с *Глинскими*. Их считали

главными виновниками всех бед, и основания для этого были:

во всем «боярском правлении» это было самое хищное и безответственное перед страной и «Землей» правление.

Ненависть москвичей удесятилась тем, что Глинские были пришельцами

татаро-литовского происхождения. Ненависть обращалась и на прибывших из северных

городов детей боярских: в Москве помнили, что Северо-Запад Руси, маневрируя между Литвой и Русью, готов был в любое время переметнуться к Литве. Поэтому если Глинские для москвичей оставались иностранцами, то появление отрядов служилых людей из северных городов связывалось с несправедливым правлением Глинских.

Хотя со времени ликвидации городского самоуправления в Москве прошло почти два столетия (напомним, что ликвидация института тысяцких произошла в 70-е гг. ХГУв.), восставшие скоро восстановили «старину», выдвигая свои требования *на вече и действуя «миром» – общиной*.

Главное требование восставших – выдача Глинских. Москвичи охотно приняли версию, будто бабка царя Анна Глинская «волхованием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре». Но схватить восставшие смогли только Юрия Глинского, которого и казнили на площади. Естественно, досталось и людям Глинских, до которых было добраться легче: они не были защищены именем царя и самодержца.

Восставшие довольно организованно двинулись и в Воробьево, где в это время укрывался от пожара и восставших сам Иван IV. Требовали восставшие опять-таки выдачи бабки Анны и особенно ненавистного сына ее Михаила. Царю удалось убедить восставших, что никого он не прячет, и это соответствовало действительности: Михаил был «во Ржеве» на наместничестве. А иных требований восставшие сформулировать не смогли и ушли назад к своим пепелищам. Тем не менее царь испытал сильнейшее потрясение. «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирился дух мой», – писал он позднее. И именно этот страх побудил Ивана IV согласиться с теми реформами, от каких позднее будет отказываться и что будет позднее осуждать как ограничение своей воли и власти.

Инициатором, предлагавшим разные кадровые замены, был в это время, по всей вероятности, митрополит *Макарий* (1482 – 1563), незадолго до того венчавший на царство Ивана IV. Но взгляды людей, оказавшихся советниками царя, отличались от воззрений митрополита. Судя по летописанию середины XVI в., Макарий был настроен весьма авторитарно, отождествляя единство государства и власти. Ближайшие советники Ивана после 1547 г. священник Благовещенского собора Кремля

Сильвестр

(ум. ок. 1566)

•а *Алексей Федорович Адашев*

(ум. ок. 1561) более будут склоняться к «Земле». У Сильвестра это будет проявляться в *свободе толкования основ христианского вероучения и нравственности*,

а Адашев даже и в XVII в. заслужит похвалу как редкий деятель, отличавшийся непривычной для этой эпохи

приверженностью к заботам о «Земле» и государстве.

И не их вина в том, что самодур□ самодержец оказался неспособным оценить их заслуги.

Тем не менее «великое десятилетие» конца 40□ х – начала 50 гг. XVI в. дало очень много для России и в плане упорядочения управления, и для укрепления государства в целом.

Такое не повторится, по крайней мере, до конца XVII в.

В литературе высказывалось мнение, что возвышение А.Ф. Адашева и Сильвестра было напрямую связано с их противостоянием Глинским и косвенно с участием будущих советников царя в низвержении Глинских. Но, вероятнее, Адашев и Сильвестр выступали как своеобразная «третья сила», не замешанная в предшествующих дворцовых сварах и потому сохранившая честь и объективность. Сильвестр был принят «спасения ради духовного» царя, видимо, по рекомендации московской церковной элиты. Он стал духовником юного царя, и роль его резко возрастала в связи с глубоким духовным надломом подопечного. Но задачей духовника всегда было примирение своего духовного чада с врагами с той или другой стороны, поиск компромиссов и решение спорных вопросов взаимными уступками. Возвышение же А.Ф. Адашева, по всей вероятности, шло без участия Сильвестра. Сам Иван Грозный в послании А. Курбскому, в обычной своей манере унижая и того и другого, замечает, что Алексей Адашев «в нашем царьствии дворе, в юности нашей, не свем каким обычаем из батожников водворившася». С осуждением он говорит и о том, что «совета ради духовного, спасения ради душа своя, приях попа Селивестра».

Иван Грозный был единственным из российских правителей, кто, кажется, поверил в легенду о происхождении русского правящего дома от римских цесарей. Но трактовал он эту легенду совсем не так, как ее трактовали большинство римских цесарей. Усиленная византийско□ иосифлянкой идеей подотчетности царя только Богу (без малейших попыток исполнять предписания Евангелия), эта легенда побуждала Ивана Грозного с презрением относиться и к своим подданным, и к правителям европейских стран, что, естественно, приводило к дипломатическим осложнениям и огромным потерям для престижа государства.

За Адашевыми (Адашевыми□ Ольговыми) не было громких родовых легенд, но в XVI столетии они занимали достойное место на служебной лестнице, выполняя те или иные (в том числе дипломатические) поручения. Однако появление Алексея Адашева при дворе, видимо, с этой службой не связано. Адашевы были дальними родственниками Захарьиных – новых родственников царя, и Алексей появляется при дворе в связи с женитьбой шестнадцатилетнего царя Ивана на Анастасии Захарьиной□ Юрьевой. Разрядные книги упоминают Алексея Адашева впервые именно в числе участников свадьбы, причем он еще не был женатым и, следовательно, по возрасту был близок

молодоженам. В числе «спальников» и «мовников» на свадьбе он оказался, очевидно, по линии родственников невесты. Позднее А. Курбский с негодованием отвергнет подозрение, будто Анастасия была отравлена Адашевым и Сильвестром, указывая, между прочим, и на свое близкое родство с царицей.

Если до этого времени Алексей Адашев, видимо, находился под крылом отца, то уже с 1547 г. отец по службе продвигается за сыном. Федор Григорьевич получает чин окольничьего, почетные назначения получают и другие Адашевы. В «разрядах» Алексей упоминается в разных качествах, но всегда рядом с царем. Он и «постельничий», и «рында» (оруженосец), он ведает личной царской казной (в качестве такового делает царские вклады в монастыри), ведет дипломатические переговоры (в частности, в связи с обострившимся казанским вопросом). Влияние Адашева быстро растет, и пути их с Сильвестром пересекаются. Занятые в разных сферах, они находят точки соприкосновения в понимании задач времени, а их деятельность объединяется в нечто единое и современниками (Иван Грозный, Курбский), и позднейшими летописцами (Пискаревский летописец и др.).

§2. ОСНОВНЫЕ РЕФОРМЫ «ИЗБРАННОЙ РАДЫ»

В литературе обсуждался вопрос о степени «самостоятельности» Адашева, Сильвестра и других первых лиц правительства середины XVI в. – насколько их действия зависели от воли царя.

Думается, правительство Адашева и Сильвестра было вполне самостоятельным. Ритуал, несомненно, соблюдался: установления и распоряжения выпускались от имени царя – самодержца. Но достаточно сопоставить 50-е и 60-е гг. XVI в., чтобы увидеть насколько различны были указы «самодержца», от имени которого провозглашались высочайшие документы.

В любой исторической обстановке государственная политика сводится к нахождению гармонии сословий, а также центра и отдельных земель.

Неограниченная власть склонна к злоупотреблению и в центре, и на местах. В разные периоды и в разной мере общему делу могут грозить и злоупотребления центра (в том числе верховного правителя), и сепаратизм, и эгоизм отдельных мест или выступающих от их имени правящих «элит», чаще всего самозванных. Идеального сочетания того и другого, пожалуй, нигде и никогда не было. Но

именно деятельность Адашева и Сильвестра

в этом смысле представляют большой интерес, причем не только в контексте истории XVI в., потому что им

несомненно удалось найти некую «золотую середину».

Подготовка к реформам началась с кадровых перестановок на самом верху, т.е. в *Боярской думе*.

Традиционный принцип замены выбывших или пополнения представителями княжеских династий сохранился, но был скорректирован. Прежде всего существенно расширился состав Боярской думы (с 12 до 32), причем за счет боярских родов, ранее не допускавшихся во властные структуры. Резко – с двух до девяти – увеличилась численность окольничих, назначаемых обычно из дворян.

Тактический характер расширения состава Думы подчеркивается возникновением внутри нее *Ближней думы*, более известной в литературе по данным А. Курбским названием ***«Избранной рады»***. Никакими специальными установлениями эта структура не утверждалась, но фактически именно здесь решались все принципиальные вопросы государственного управления. Главной фигурой «Ближней думы» становится Алексей Адашев, не имея на первых порах и боярского звания. В числе ближайших сторонников Алексея Адашева, по замечанию самого Грозного, был *Дмитрий Курляев*.

Вероятно, близок Адашеву был также *Федор Иванович Мстиславский*,

карьера которого тоже начиналась со свадьбы Ивана IV и Анастасии и который, видимо, был сверстником Алексея Адашева. Иван Мстиславский женился к осени же 1547 г., и Адашев упоминается в этом свадебном разряде уже вместе с женой. Очевидно, сверстники царя и были самыми «ближними» из «ближних».

Первым крупным мероприятием нового правительства явился созыв так называемого «Сбора примирения»

в феврале 1549

г.

На Собор, помимо Боярской думы и Освященного собора, были приглашены воеводы, дети боярские и высший слой дворянства (дворянство по традиции делилось на разряды по своим правам и обязанностям; московское, естественно, считалось высшим). *Цель Собора*

определялась уже его составом:

устранение противоречий внутри господствующего слоя всей страны.

Новое правительство подчеркивало преемственность своей деятельности с начинаниями Ивана III. В слове, обращенном к Собору, царь напоминал о злоупотреблениях, совершавшихся в годы его младенчества боярами и их людьми и нанесения урона «детем боярским и христианом... в землях и в холопех и в иных многих делах». В свою очередь бояре соглашались с тем, что если «дети боярские и христьяне на них будут бить челом и на их людей учнут бити челом о каких делех не буди, государь бы их пожаловал, давал бы им и их людем с теми детми боярскими и со христьяны суд». Дети боярские изымались из суда наместников «опричь душегубства и татьбы и розбоя с поличным». За время правления Василия III и за годы боярского правления накопилось, конечно, огромное количество претензий к наместникам и боярским людям со стороны «детей боярских и христиан», а потому выделение «Челобитенной избы»

(или приказа) становилось первостепенной практической задачей, от эффективности решения которой напрямую зависела возможность реализации пожеланий Собора. Эту обязанность и принял на себя Алексей Адашев, возглавивший Челобитенный приказ.

Деятельность Адашева на посту высшего арбитра не вызывала неизбежных вроде бы нареканий со стороны современников, а позднейший летописец оценит ее как образцовую: «Кому откажут, тот вдругорядь не бей челом, а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не прибудет без кручины от государя, а кому молвит Хомутовскую (уличит в клевете. – А.К), тот больши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану». Согласно этому летописцу, вместе с Адашевым судил тяжбы и Сильвестр. Это свидетельство некоторые авторы брали под сомнение: «Челобитенная изба» и упоминаемая летописцем «изба у Благовещения» располагались в разных местах. Но у Благовещенского собора находилась государственная казна, которой ведал Алексей Адашев. Да и сам характер деятельности □ разбор всевозможных тяжб – требовал участия и авторитетного духовного лица. Весьма вероятно, что это обстоятельство и объединяло А.Ф. Адашева и Сильвестра. Непосредственное же знакомство с реальным положением в стране подталкивало к постановке вопросов и о других реформах.

Перед любым правительством России XVI в. на первом плане оставались проблемы

поддержания боеспособности войска и его обеспечения, а также все те же вопросы взаимоотношения центра и мест. Практически каждая земля имела свою специфику, а потому и взаимоотношения с каждой *губой* (уездом, округом) приходилось решать отдельно. Именно поэтому и оформляющиеся

приказы (избы)

носили смешанный характер: и функциональный, и территориальный.

С конца 40-х гг. XVI в. возобновляется проведение *губной реформы*. В тех уездах, где преобладало дворянское землевладение (а наделение служилых людей поместьями с конца XV в. шло интенсивно), губные дела должны были решать выборные старосты из числа детей боярских. В областях с преобладанием черносошного крестьянства в управлении принимали участие выборные от «Земли» (сотские, пятидесятские и др.).

Параллельно с расширением прав местного самоуправления ограничиваются привилегии, обычно даваемые монастырям и владельцам вотчин.

Речь идет, в частности, о распространении на некоторые привилегированные категории феодалов «ямских денег» – налога на содержание «земских охотников», обеспечивавших связь между разными частями страны, а также о лишении их таможенных привилегий. Поэтому естественным продолжением губной реформы являлась

земская реформа,

затрагивавшая обширные области с крестьянским населением. Принципы проведения были те же:

ограничение власти наместников вплоть до полной отмены кормлений.

Хотя налоги по-прежнему лежали тяжелым бременем, крестьянские общины и посад избавились от многих несправедливых поборов, а местные дела во многом зависели теперь от эффективности работы собственных «выборных».

Уже на «Соборе примирения» 1549 г. царь пообещал созвать «праведный суд», а для этого потребовалось «Судебник исправите». К «исправлению» были привлечены и представители с мест – «от городов добрых людей по человеку». Есть основания считать, что и принятие Судебника проходило на Земском соборе. **Судебник 1550 г.** явился, несомненно, самым значительным и продуманным юридическим памятником феодальной эпохи.

У В.Н. Татищева были основания поставить его по ряду положений выше Соборного уложения 1649 г. Именно в Судебнике 1550 г. с наибольшей последовательностью отразилась общая направленность реформ, проводимых правительством Адашева.

Численный рост служилого сословия неизбежно обострял *крестьянский вопрос*, поскольку никакая оплата службы, кроме земельных пожалований, была невозможна из-за слабости развития товарно-денежных отношений. (Кстати, поэтому и не были

реалистичными интересными сами по себе проекты Ермолая Еразма и Ивана Пересветова о денежном обеспечении «воинников»). Естественно, что между служилыми людьми обостряется борьба за рабочие руки крестьян. Крупные землевладельцы обладали большими экономическими возможностями для переманивания крестьян с поместных владений «детей боярских». Поэтому основная масса дворян (особенно центральных уездов) стремится силой удержать за собой крестьян. Но правительство «Избранной рады» не уступило землевладельцам в этом принципиальном вопросе.

Дело, конечно, заключалось в осознании правительством угрозы деградации основных производителей – крестьян, к чему неизбежно повело бы их полное закрепощение.

И этот подход находил довольно широкое понимание. Статья о «крестьянском выходе» в Судебнике 1550 г. была оставлена в основном в том виде, как она была определена в Судебнике 1497 г. Некоторое повышение платы за «пожилое» было в действительности ее понижением из-за значительной инфляции, вызванной уменьшением доли серебра в монете в результате реформы 30-х гг. XVI в.

В публицистике того времени неоднократно выражалась тревога по поводу нарастания процесса «похолопления», в том числе детей боярских. О преимуществах вольнонаемного труда писали Максим Грек, Матвей Башкин и сам Сильвестр, который убедительно доказывал это делом. Судебник 1550 г. запретил «похолопление» детей боярских. Ограничивалась «служилая кабала», хотя размер ее – 15 рублей – для крестьянина был по-прежнему чрезмерным: у крестьян таких доходов не было.

Наместники, по Судебнику, подвергались двойному контролю. «Сверху» их контролировали кормленные дьяки, представлявшие, видимо, Разбойный приказ, а также приказы, занимавшиеся той или иной конкретной территорией. «Снизу» контролерами служили выборные земские чины: старосты, целовальники, в городах – городские приказчики. В этом случае восстанавливались порядки, которые вводил Иван III, но которые были отброшены его сыном Василием.

Поистине историческое значение имеет *ст. 98 Судебника 1550 г., уникальная в русском законодательстве.*

Статья предусматривает, что «которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершатца, и те дела в сем Судебнике приписывати». Смысл этой статьи позднее прокомментировал сам Иван Грозный, заодно разрешив спор историков: выполняли ли советники его поручения, или он озвучивал подготовленные ему тексты. В послании А. Курбскому царь возмущался: «Или бо сие свет, попу (имеется в виду Сильвестр. – А.К.) и прегордым лукавым врагом владети, царю же токмо председанием и царьствия честию почтенну быти, власти же ничим лутчи быти раба?.. Како же и самодержец нарицается,

«еще сам не строит?» «Строить» же по своему усмотрению, реализуя принцип «жаловать вольны и казнить вольны же», царь будет в 60 – 70-е гг., и прежде всего в годы пресловутой опричнины.

Как было сказано, для служилых людей была нужна земля, а свободной земли (к тому же и с крестьянами) в центре не оставалось. Приходилось искать резервы. В Судебнике 1550 г. появляется статья «А в вотчинах суд». Традиционное право предусматривало возможность для родичей вотчинников, продавших вотчину, в течение двух поколений выкупать ее. Статья ограничивает это право: оно распространяется лишь на те ветви рода, которые не участвовали в сделке и устанавливали срок давности 40 лет. Главными кредиторами и покупателями земель разоряющихся вотчинников в XVI столетии были монастыри. Но и привилегии монастырей с конца 40-х гг. стали урезаться. А в мае 1551 г. появился вообще *запрет монастырям покупать землю*. Правительству явно хотелось, чтобы покупателями земли были помещики, но они в массе были не настолько богаты. Да и на занятия хозяйством времени у них было явно меньше, чем у вотчинников. Поэтому сама государственная власть ищет разные способы отписать спорные земли в казну.

Монастыри оставались наиболее реальными хранителями резервного фонда земель. По многим вопросам А.Ф. Адашев и Сильвестр, видимо, пользовались осторожной поддержкой митрополита Макария, роль которого особенно поднимается в *«Летописце начала царства»*.

И это при том, что и Адашев имел отношение к летописанию 50-х гг. Но по вопросу об отчуждении монастырских и иных церковных земель Макарий и Сильвестр стояли на противоположных позициях.

Различия в решении вопроса о церковных землях показал *Стоглавый собор 1551 г.* К этому Собору царь Иван IV обратился с рядом «вопросов», на которые Собор и должен был дать ответы. Автором «вопросов», очевидно, был именно Сильвестр. Так, вопрос «О монастырях, иже пусты от небрежения» выдержан в жестко *«нестяжательском»*

духе. Монастырское «общежитие» XIVв. заметно поистерлось, и вот уже «чернецы по селам живут да в городе тяжутся о землях». При постоянном росте земельных и денежных пожалований «устроения в монастырях некотораго не прибыло, а старое опустело». «Где те прибыли и кто тем корытуется?» – спрашивается далее. Все на Соборе, конечно, понимали, что неназванные по именам воры и расхитители находятся у самых вершин церковной и светской власти. Собор не мог не признать серьезных нарушений монастырских уставов, согласился «не ставить новых слобод», «и дворов новых в старых слободах не прибавляти», но *сам принцип обеспечения монастырей селами «иосифлянское» большинство Собора отстояло. Именно этот собор обострил отношения «иосифлян» с «нестяжателями», а*

расхождения касались основных социально-политических и государственно-структурных вопросов.

Именно на этом Соборе наметилась кровавая драма последующего полувека, едва не сокрушившая страну.

Явно в связи со спорами, предшествовавшими и следовавшими за Стоглавым собором, появился рассмотренный выше один из честнейших в русской истории документ – «Валаамская беседа». Автор «Валаамской беседы» исходил из того, что, «владеть землей» – это значит «воздержать царство», управлять государством. Иноки на это неспособны: «Таковые воздержатели сами собою царства воздержати не могут». Царям, передающим власть над селами монастырям, «не достоин ся писати самодержцем». Этот титул, однако, оправдывается, если царь «воздержит мир» «со приятели с князи и бояры». Здесь «достойным» кругом советников почти напрямую называется «Ближняя дума», в которую, помимо князей и бояр, входили и нетитулованные «приятели». Иначе говоря, в «Валаамской беседе» поставлены те же вопросы, что приходилось решать составителям Судебника 1550 г., но они решались более радикально, поскольку предполагался постоянно действующий *Земский собор (совет)*, которому отводилась контролирующая функция. Так далеко идти правительство явно не собиралось, да и чисто материально вряд ли было готово к этому. Но как общественная тенденция эти предложения реально обсуждались, воздействовали на позицию правительства, а в годы Смутного времени была попытка реализовать их и на практике.

Политическая борьба во все времена часто велась «под ковром», поэтому понимание истинного расклада сил всегда затруднено этим обстоятельством. Так, Стоглавый собор сформулировал указание, касающееся правил иконописания: «Писати иконописцем иконы с древних преводов, како греческие иконописцы писати и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы, и подписывати Святая Троица, а от своего замышления ничтоже предтворяти». Данная статья была направлена и против конкретного адресата, а именно Сильвестра. У Сильвестра, как сказано, была иконописная мастерская, и после пожара 1547 г. именно ему поручалось восстановить росписи в кремлевских соборах. И, судя по описаниям XVII в., в частности Симона Ушакова, содержание росписей существенно отличалось от традиционных и по тематике, и по манере исполнения.

Поскольку объем работ предстоял огромный, Сильвестр набрал мастеров в Пскове и Новгороде, где незадолго до этого кипели страсти по поводу ересей, в частности «ереси жидовствующих». Судя по описаниям, новые росписи в Кремле в большой мере ориентировались на запросы дня. Видное место в оформлении фресок заняли исторические сюжеты, главным образом в духе «Сказания о князьях Владимирских».

Реалистичностью – вплоть до портретного сходства – отличалась и манера исполнения. Значительное место отводилось также ветхозаветным сюжетам, весьма редким в предшествующих росписях. Ветхозаветные сюжеты в Новгородской Софии, на которые в литературе обращено внимание, видимо, были связаны с ирландским влиянием, как и соответствующее уклонение в XI в. в Киево-Печерском монастыре. Видимо, именно эти отклонения от византийской традиции и вызвали обвинения Сильвестра в «ереси», с чем на протяжении ряда лет выступал дьяк *Иван Висковатый*, возглавлявший Посольский приказ. Помимо иконописи, Висковатый обвинил Сильвестра в поддержке еретика Матвея Башкина. С определенной точки зрения для подобных обвинений основания были. Как и Сильвестр, Матвей Башкин решительно осуждал рабство: своим холопам он дал вольную. Вслед за влиятельным старцем Артемием Троицким, с которым у Сильвестра поддерживались тесные связи, Матвей Башкин принимает нестяжательские взгляды и идет в критике официальной церкви значительно дальше. Возможно, не без влияния распространившегося в это время в Литовско-Польском государстве арианства он отрицал божественное происхождение Христа, а это было ересью и с точки зрения ортодоксального арианства.

Возможно, истоком нападок Висковатого на Сильвестра был вовсе не религиозный, а совершенно иной фактор, а именно *мнение царя Ивана IV* – в тот период все больше нарастало царское недовольство своим духовником. В частности, его гнев могла вызвать позиция Сильвестра в событиях марта 1553 г., когда в связи с тяжелой болезнью Ивана IV возник спор о наследнике, – годовалый Дмитрий Иванович или двоюродный брат Владимир Андреевич. В тот момент Висковатый был близок именно Захарьиным (за царевича Дмитрия высказывался и Адашев), а вот Сильвестр как раз и не был в числе их приверженцев. Царь тогда выздоровел, но события эти он будет постоянно вспоминать в 60-е гг., обвиняя сторонников Владимира Андреевича (и его самого) в «измене».

Обвинения в адрес Сильвестра рассматривались на *Соборе 1554 г.* В противостоянии Висковатого и Сильвестра митрополит Макарий, несомненно, хорошо осведомленный в новгородских церковных делах и в специфических новгородских традициях, поддержал тогда Сильвестра, а неугомонного обличителя предупредил: «Стал еси на еретики, и ныне говоришь и мудруешь не гораздо, о святых иконах, не попадися и сам в еретики, знал бы ты свои дела». Сильвестру удалось очиститься от обвинений в ереси, но и Висковатый получил лишь церковное взыскание, которое никак не отражалось на его служебной деятельности. Непримируемыми же стороны останутся до конца, и вроде бы чисто религиозные сюжеты всякий раз будут принимать политическую окраску. В событиях 50 – 60-х гг. XVI в. это неоднократно проявится, и именно Висковатый явится одним из главных разрушителей нарождавшегося русского гуманизма.

В литературе не раз отмечалось, что воззрения Сильвестра наиболее полно выражены в

«Домострое», редактором которого он являлся примерно в то время, когда шла упомянутая тяжба. При этом особое значение имеет не текст «Домостроя», как таковой, а именно редакция своеобразного руководства для рачительного хозяина, возникшего до Сильвестра (примерно в конце XV – начале XVI в. в Новгороде) и перерабатывавшегося неоднократно позднее. Редакция же Сильвестра проявлялась не только в большей четкости изложения, но и в смягчении некоторых рекомендаций предшествующего текста, в смягчении, в том числе и по сравнению с регламентацией «Стоглава». И как бы завершающим резюме является сильвестровское «Послание и наставление отца сыну».

Деятельность Сильвестра, при всей ее политической значимости, ограничивалась все же таки нравственной сферой. Алексею Адашеву, помимо разбора челобитий, необходимо было решать главные проблемы государства, связанные прежде всего с более рациональной организацией войска. *Два «врожденных» порока* ослабляли эффективность действий войска в эпоху становления единого государства: *отсутствие четко определенных воинских обязанностей держателей вотчин и местнические споры воевод в походах*, часто приводившие к серьезным неудачам даже при перевесе сил над неприятелем. До 80-х гг. XVII в. эти пороки не удавалось устранить, но именно в середине XVI столетия были намечены пути их устранения.

Упразднить «местничество» в условиях иерархически выстроенного политического образования было практически невозможно. Его можно было лишь как-то ограничить царским указом. Неудача похода на Казань в 1549 г. поторопила с решением. Летом 1550 г. издается *«Приговор о местничестве»*, предусматривающий взаимоотношения воевод во время походов. Воевода Большого полка объявляется старейшим по отношению к остальным. Воеводы, считавшие себя ущемленными, впоследствии могли предъявлять свои счета, но они лишались права делать это во время похода. Назначение же воевод осуществляется теперь именем царя. С целью регулирования местнических споров, порой крайне ожесточенных, в 1555 г. создается

«Государев родословец».

К созданию его имел отношение и Алексей Адашев (последняя глава «Родословца» содержит «Род Адашева»), что являлось как бы продолжением его деятельности в Челобитенном приказе. «Родословец» становится и рекомендательным, и в какой-то мере узаконенным документом, с которым были обязаны считаться противоборствующие стороны.

Немало осложнений приносили и различия в формах собственности, прежде всего *поместная*

и

вотчинная системы.

Если поместья были даны за службу в сравнительно недавнее время и находились на контроле, то с вотчинами такой ясности не было. Помимо того, что ими обычно владели многие поколения предков, не было никаких представлений ни о допустимых размерах этих владений, ни о данных в разное время «пожалованиях». В.Н. Татищева, критиковавшего в XVIII в. подушную систему обложения или характерную для XVII в. подворную, привлекала принятая в середине XVI в.

поземельная форма собирания налогов.

Заслугой же реформаторов середины XVI в. следует признать последовательность, с которой они проводили поземельное обложение для разных категорий владельцев. Что же касается земель поместных и вотчинных, часто критерия просто и не было. В 50-е гг. XVI в. проводилась грандиозная работа по описанию всех земель с явным предпочтением интересов именно

служилых

людей. В 1556 г. принимается

«Уложение о службе»,

согласно которому служба исполнялась соответственно размерам земельных владений: «Со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе полном, а в дальней поход о дву конь». Земля исчислялась из расчета одного поля при трехпольной системе, общий размер в данном случае – 300 четвертей или 150 десятин. «Уложение» явилось и основанием для конфискации значительного количества земель крупных вотчинников, особенно тех, кто получил или захватил земли после смерти Василия III.

Реформы середины XVI в. превратили служилого человека *в основу русского поместного войска – конного ополчения.*

Но у служилых людей было немало забот и по хозяйству. Появилась задача создания и постоянного войска, что в масштабах государственной потребности было невозможно по финансово-экономическим соображениям. Однако первые шаги в этом направлении делались. С XV в. хотя и медленно, но нарастает роль нового оружия – «огненного боя». В первой половине XVI в. упоминаются отряды «пищальников», которые, правда, оставались малочисленными, и пока не увязывались с конным ополчением. Около 1550 г. царь распорядился собрать «выборных стрельцов из пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе». Таким образом было положено начало *постоянному стрелецкому войску.*

Стрельцы были разделены на 6 «статей», которые делились на традиционные «сотни», «полусотни», «десятки». Определялось и денежное содержание – 4 рубля в год. Это соответствовало доходу среднего посадского человека. Но практически все это реализовать, видимо, не удалось, поскольку приходилось вводить новый налог – «пищальные деньги», а каждый новый налог обязательно встречает противодействие тех, с кого его хотят собрать. Поэтому в XVI в. не выдерживалась ни численность отряда «пищальников», ни систематичность оплаты их службы. Да и эффективность стрелецкого войска оставалось невысокой из-за недостаточной маневренности.

В результате целой системы мер русское войско заметно укрепилось качественно и возросло количественно. По мнению Ивана Пересветова и Ермолая Еразма для государства требовалось войско в 300 тысяч человек при примерно 9–10 млн населения страны в это время (сам расчет о численности населения вытекает также из расчетов названных публицистов). Но на практике мобилизовать такое количество воинов (включая вспомогательные службы из холопов и пр.) было невозможно. Тем не менее в 50-е гг. Россия располагала таким войском, которого ранее никогда не имела, что и позволяло решить некоторые давно стоявшие задачи.

§3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVI в.

На первом плане в течении ряда столетий стояла задача *ограждения от татарских набегов*.

Освобождение от ордынского ига лишь отчасти ее решало. Грабительские набеги накатывались на восточные и южные «украины» России и через два столетия после разгрома Золотой Орды, а сами русские «украины» оказывались у побережья Оки. После ряда неудач, в 1552 г., наконец, было разгромлено

Казанское ханство

и взята

Казань.

Надо отметить, что в последнем Казанском походе русское войско встречало поддержку со стороны поволжских народов, подвергавшихся много лет эксплуатации и прямому ограблению со стороны паразитарного образования. Надо отметить и то, что правительство Адашева давало этим народам права не просто равные с русскими, но и с некоторыми преимуществами. Эта практика была традиционной, а в середине XVI столетия она получает значение политической программы, наиболее последовательным исполнителем которой был именно Алексей Адашев. Позднее А. Курбский, оценивая деятельность уже опального Адашева в Ливонии, отметит, что именно благодаря его деятельности большинство племен Ливонии стремилось прийти под власть Российского государства. И религиозные различия не играли при этом какой-либо роли: с XV в. в центре Руси существовало мусульманское Касимовское царство, а ордынские

«царевичи» переходили на службу в Москву задолго до падения самой Орды.

В итоге Казанского похода было освобождено до 100 тысяч угнанных в рабство, и в числе рабов были, конечно, не только русские. Кстати, до 40 тысяч «крещенов» (крещенных) в новых условиях остались в Казани. Отношения с соседями Казани наладились сравнительно легко потому, что русские власти обещали сохранить все их традиции и обещали значительное послабление в экономических поборах. Во всяком случае, власть Москвы для всех них была большим облегчением. На сторону Москвы переходили и отдельные татарские князья, воспринимая это как переход на иную службу. А своеобразным политическим результатом всей кампании явился добровольный переход под власть Москвы в **1556 г. Астраханского ханства**, в результате чего все течение Волги, где многие годы безраздельно господствовала Орда, стало территорией Русского государства. К Москве теперь потянулся едва ли не весь Кавказ, причем и христиане, и мусульмане. Угроза со стороны Турции и Крыма, а также непрерывные распри разных родов (преимущественно татарских) казались куда опасней из-за непредсказуемой политики остатков господствовавшей здесь ранее Орды.

Летописные известия за 50-е гг. XVI в. заполнены постоянными прошениями о принятии в российское подданство. Неоднократно обращаются *черкасские князья*, от *казаков* обращается Дмитрий Вишневецкий. И даже из далекой

Сибири

едут «служивые татары», в том числе от самого хана Едигеря. Посланники везут дань Сибирской земли – 1000 соболей «да доражской пошлины сто да 60 соболей за белку, да и грамоту шертную привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве (речь идет о Едигере. –

А.К.),

и дань на всю свою землю положил, и впредь безпереводно та дань царю и великому князю со всей Сибирской давать. И царь и великий князь посла его Баянду выпустил, и очи свои дал видеть, и пожаловал отпустил, а с ним послал служивых татар по дань в передний год». На большей части Степи и Сибири государственных структур еще не было.

И лишь ошибки и безответственное поведение ряда московских бояр и княжат отложило надолго решение важного для населения всего этого района вопроса.

Алексей Адашев имел самое непосредственное отношение к восточной политике Москвы в вопросах военных и дипломатических. Многие тонкости ее он понимал едва ли не с детства (в поездке к султану в конце 30-х гг. с отцом был и сын Алексей). И неудивительно, что он был в числе тех (или возглавлял тех), кто ставил на очередь борьбу с Крымом. *Крымское ханство* оставалось последним осколком паразитарного

образования Золотой Орды. Именно Крым поставлял рабов на невольничьи рынки Турции, именно набеги крымцев не позволяли осваивать плодороднейшие земли между Окой и Черным морем. Главная сложность заключалась в том, что за Крымом стояла *Турция*, вассалом которой признавали себя крымские ханы. Но в борьбе с Крымом и Турцией Россию (как и в XVIII – XIX вв.) готовы были поддержать многие народы Северного Кавказа, в том числе мусульманские. Даже и среди остатков ханских татарских династий находились союзники (правда, как правило, ненадежные). Для многих же других народов освобождение от ига потомков золотоордынских ханов означало реальное освобождение от внешнего гнета. Но события в Москве приняли иной оборот.

Нужно отметить, что в конце 50-х гг., после страшного голода 1557 г., возникнут разногласия, в которых сплелись разные идеи и противоречия, в том числе сугубо личные. В литературе обычно обозначен вопрос: где надо было сконцентрировать воинские силы и в каком направлении должна была действовать московская дипломатия? Огромные успехи на юге как будто давали однозначный ответ: Россия удваивала свои пределы за счет давно утраченных, но весьма перспективных земель, пользуясь к тому же поддержкой населения этих территорий. На стороне России было население большинства славянских и не славянских областей Подунавья. На стороне России было население юго-восточной Малороссии, более других страдавшее от набегов диких крымских орд. Дмитрий Вишневецкий, представлявший казачество Поднепровья, постоянно обращается за помощью к Москве, и в должной мере ее все-таки не получает. *Слияние Юго-Западной Руси с Великороссией в то время обозначалось как ближайшая легко решаемая проблема: общая судьба и общие задачи.* Но она не была решена, не столько по объективным, сколько по субъективным причинам.

Вне стратегической логики возникла альтернатива – *война с Ливонией*. По договору России с Ливонским орденом 1503 г.

Дерптская епархия должна была выплачивать дань за город Юрьев. (О договоре 1210 г., по которому за полоцкими князьями признавалось право на дань со всей территории ливов на Москве, видимо, не помнили.) В 1554 г. эта обязанность возлагалась на орден. В 1557 г. орден, правда, весьма уклончиво, объявил об отказе выплачивать дань. Встал вопрос о том, как реагировать на эту акцию. Адашев и Сильвестр полагали, что достаточно было затягивать переговоры, с тем чтобы решить более важные южные проблемы. И. Висковатый настаивал на заключении мира с Крымом и на начале войны с Ливонией. И здесь давние личные разногласия вышли на государственный уровень, значительно повлияв на решение государственных проблем, – царь поддержал Висковатого, а в результате началась затяжная *Ливонская война*.

В конце 1559 г. произошла открытая ссора царя с Сильвестром. Похоже она была связана с болезнью царицы Анастасии, которой приходилось сопровождать царя в его «поезды» и по монастырям, и на потехи, причем с малолетними детьми. Сильвестр ушел в Кирилло-Белозерский монастырь. Подвергнут опале был и Адашев, которого сослали в Юрьев. Курбский в «Истории о великом князе Московском» отмечает, что даже в опале Адашев был озабочен государственными интересами – будучи в Ливонии, Адашев сумел расположить к себе и города, и народы так, что они сами готовы были пойти «под руку» московского царя.

В 1560 г. умерла Анастасия. Сам Иван Грозный впоследствии обвинял Сильвестра и ближайшее окружение в том, будто они ее «околдовали». А. Курбский убедительно высмеял эту версию и указал на реальную. Он отметил, что и сам он, и другие члены «Избранной рады» были и родственниками, и друзьями, и единомышленниками царицы. Курбский, по существу, пояснил, в чем была проблема и что не нравилось духовнику царя. Царь просто «загулял» (и похоже был склонен к этому с детства, а о «размахе» своих «загулов» он и сам откровенно рассказал в послании в Кирилло-Белозерский монастырь). Сильвестр пытался препятствовать; но это не тот случай, когда «Закон Божий» воспринимается мирянином. И на прямой упрек о его распутной жизни, царь отвечал Курбскому обыденным: «человек есьмь». Анастасию же это, чувствуется, не просто сильно угнетало. Почти постоянно происходили весьма некрасивые коллизии, которые и привели ее к безвременной кончине. Не случайно также, что митрополит Макарий и бояре буквально сразу же после кончины Анастасии требовали от царя, чтобы он вступал немедленно во второй брак, поскольку «умершей убо царице Анастасие нача яр быти и прелюбодейственен зело». В июле 1561 г. царь женится на дочери кабардинского князя Темрюка *Марии*. Сам Темрюк признал себя вассалом Москвы еще в 1558 г., в период наивысшего влияния России на Северном Кавказе.

В том же 1561 г. в Юрьеве умер Алексей Адашев, а вскоре, в 1566 г. скончался Сильвестр. Так закончился один из самых разумных и созидательных периодов в русской истории.

Литература

Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени //

Исторические записки. Т.23. 1947. *Бахрушин СВ.* Научные труды. Т. II. М., 1954.

Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.

Веселовский СБ. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Домострой / Сост. В.В. Колесов. М., 1990.

Зимин А.А. Иван Пересветов и его современники. М., 1958.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М.,1985. *Копанев А.И.*

Крестьянство русского севера в XVI в. Л., 1978.

Кузьмин А.Г.

Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М., 1996.

Кузьмин А.Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государственное право. 1980. №7.

Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Московском государстве. М., 1961.

Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

Перевезенцев СВ. Тайна Ивана Грозного // Роман-газета XXI век. 1999. № 12.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С.Лурье, Ю.Д. Рыков Л., 1979.

Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачев , Я.С. Лурье. М.; Л., 1951.

Реформы в России XVI – XIX вв. М., 1992. *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977.

Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства

30-50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. Стоглав. СПб., 1863.

Судебники XV – XVI вв. / Подг. текста Р.Б. Мюллер, Л.В. Черепнин. М., 1952.

Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI в. // Вопросы истории. 1958. №5.

Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2000. (Сер. «ЖЗЛ»).

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.

Шмидт С.О. Становление российского самодержавия. М., 1973.

ГЛАВА XVIII. Внутренняя и внешняя политика России в 60–70-е гг. XVI в.

§1. ОПРИЧНИНА

Опричнина – одна из самых трагических страниц русской истории. После колоссального десятилетнего взлета в 50-е гг. XVI в. следствием опричнины стало падение экономических, политических, социальных показателей жизни страны на многие десятилетия и, главное, были утрачены многие перспективы будущего развития. Формально опричнина занимает **1565–1572 гг.** За это время на Россию обрушился террор, какового не бывало, по крайней мере, после монголо-татарского нашествия: беспрестанные и бессмысленные казни людей, служивших государству; десятки тысяч новгородцев, спущенных в Волхов, – такого не было ни при одном

ЛИВОНСКОМ, ЛИТОВСКОМ ИЛИ ШВЕДСКОМ НАШЕСТВИИ...

В 1559 – 1560 гг., когда царь наложил опалу на деятелей «Избранной рады», *Россия пережила одно из самых крупных предательств своих правителей по отношению и к государству, и к народу.*

Десятилетие правления А.Ф. Адашева и Сильвестра – это пример, к сожалению, редкий, когда у власти оказываются действительно государственные люди. Но исторический опыт показывает, что истинных государственников, радеющих за страну и народ, во всех странах и всегда было немного: власть – страшная разъедающая сила, обычно уничтожающая истинных «государственников» и поднимающая на поверхность чиновников, задача которых побольше «прихватить» и не быть при этом публично повешенным.

Похоже в литературе в должной мере не учитывается страшный **мор 1557 г.**, охвативший в основном Заволжье и отчасти Северо-Запад Руси. Из-за нахлынувшего на огромную территорию мороза вымирали целые районы и полностью расстраивалась привычная жизнь. Естественно, все это воспринималось как наказание Божье, и выходы из трагических событий искали на эмоционально-религиозном уровне.

Расположенность руководителя Посольского приказа И. Висковатого к налаживанию дружественных отношений с Крымом как бы оправдывалась трагедией на Севере Руси. Посольства из Ливонии с целью пересмотра условий договора 1503 г. также могли быть реакцией на трагедию, унесшую многие тысячи жизней. Отсюда настоятельные просьбы либо сокращения размеров дани, либо перенесения сроков ее выплаты. Трагедия зимы 1557 г. многое проясняет в сложившейся коллизии. Ливонские посольства учитывали колоссальные трудности, которые возникли в северо-западных пределах Руси (хотя от стихии пострадали и ливонские земли). Жалко было отказываться от больших успехов, достигнутых на юге, но нельзя было оставлять пустыней и северный, в том числе Прибалтийский, край. Разные потоки противоречий пересеклись в принципиальных спорах 1558–1560 гг. И все они послужили, с одной стороны, причиной изменения внешнеполитического курса, а с другой – стали причиной рождения кардинально нового принципа решения внутривнутриполитических проблем. При этом начавшаяся Ливонская война в малой степени питала опричнину, а вот *введение опричнины практически не отвечало потребностям войска, боровшегося за Ливонию.*

При огромной важности событий, связанных с опричниной, в летописях имеются лишь отрывочные сведения о ее введении, а после 1567 г., в опричных условиях, прекращается и московское летописание, прерывается также и большинство других летописных традиций. Вскоре и само слово «опричнина» оказывается под строгим запретом. Поэтому в литературе обычно используются сведения иностранцев, главным образом современников и участников событий. Два автора – *Таубе* и *Крузе* – это ливонские дворяне, взятые в плен, освобожденные в 1564 г. и приближенные к царскому двору. В 1571 г. они сбежали в Литву, в чем, конечно, винить их не приходится: «озорство» царя переходило всякие границы. Померанец

Альберт Шлихтинг

также был пленен в 1564 г. и бежал в Польшу в 1570. Вестфалец

Генрих Штаден

перебрался в 1564 г. в Москву по своей инициативе и стал опричником. Россию он покинул лишь в 1576 г. Штаден интересен тем, что он, по сути, одобрял опричную политику грабежа и убийств, как бы считая этой неким идеалом, к которому каждый человек стремится. Он не только без стеснения, но хвастливо замечал, что в новгородский поход он отправлялся с царем на одной лошади, «вернулся же я с 49, из них 22 были запряжены в сани, полные добра». Опричнину, конечно, такое признание достаточно характеризует. Меньше дают материалы

Джерома Горсея,

агента английской торговой компании в Москве, наезжавшего в Россию неоднократно с 1573 по 1590 г., а также отклики на московские события в Польше. Авторы пользовались в основном слухами и пересудами, к примеру, в Польше главным источником слухов были беглецы из России, у которых личное обычно заслоняло общее. В целом же отклики об опричнине в разных странах и на разных языках еще не собраны в едином издании и не переведены.

Как уже было сказано, к 1560 г. царь разорвал отношения с правительством «Избранной Рады» и в начале 60-х гг. попытался обвинить своих бывших советников в «изменах» и «волшебстве». Некоторые авторы считают, что психические аномалии, которыми царь похуже страдал с детства, теперь прорываются наружу в форме неумеренной ярости. За опалами следуют казни, которые особенно свирепыми становятся после кончины митрополита Макарія в 1563 г. А. Курбский в числе первых жертв называет «ляховицу» Марию Магдалину, казненную вместе с пятью детьми по обвинению в «волшебстве», а также Ивана Федоровича Шишкина «со женою и с детками; сродник был Алексеев (т.е. Адашева. – А.К.) и муж воистину праведный и зело разумный, в роде благороден и богат». Казнен был также младший брат Алексея Адашева – Даниил Адашев. Курбский упоминает и о казни трех братьев Сатиных, на сестре которых был

женат Алексей Адашев. В синодике Чудова монастыря среди «убиенных» называются еще три брата Адашева и его сестра Варвара.

СБ. Веселовский отмечает, что первые опалы и казни не касались бояр: жертвами становились *рядовые дворяне*. Он даже делает на этом основании заключение, что роль Адашева историками преувеличена. Действительно, *первые казни коснулись главным образом близких и дальних родственников Адашева, никто из которых не имел боярского звания*.

Но и сами реформы 50-х гг. и авторитет Адашева держались не на знатности рода, а на умении создать определенную гармонию сословий, в рамках которой дворянство являлось опорой государственной централизации.

Опалы на бояр, в том числе на родственников (Глинских), поначалу ограничивались ссылками или даже просто публичными заявлениями о беспрекословной верности царю. Столкновение с князьями *Воротынскими* осенью 1562 г. привело к лишению князей их вотчины (Новосиль, Одоев, Перемышль), а братья Воротынские с женами «за изменные дела» были сосланы один с женой в Белоозеро в тюрьму, другой – в Галич под стражу. Уже в 1563 г. Александр Воротынский был освобожден, но другой брат – Михаил – провел в ссылке три с половиной года, после чего все-таки был помилован и ему вернули часть его удела. Более сурово царь обошелся с князем

Дмитрием Ивановичем Курлятевым

– сам Курлятев, его жена, сын Иван и две дочери были насильно пострижены в монашество и разосланы по монастырям. Курлятев прямо обвинялся царем (по крайней мере, в письме к Курбскому) в его приверженности Адашеву и Сильвестру.

Естественно, что опалы и казни привели к многочисленным побегам, в основном в Литву, затем в Швецию и даже в Турцию. И, конечно, эти побегі еще более разжигали ярость Ивана Грозного. У Курбского приводится характерный пример: на пути к Полоцку царь собственноручно сгоряча убил князя Ивана Шаховского. Никакого обвинения в адрес князя не приводится.

Летом 1563 г. разразился конфликт царя с *Владимиром Андреевичем Старицким* и его матерью

Ефросиньей.

Митрополиту Магарию удалось предотвратить расправу. Но Ефросинья вынуждена была постричься в монахини, бояр князя Владимира царь принял к себе на службу, а к Владимиру приставил людей по своему выбору. Взятие в 1563 г. Полоцка было наивысшим успехом в войне против Литвы, выступавшей на стороне Ливонского ордена.

Но уже начало 1564 г. принесло неудачи. И реакция Ивана Грозного сказалась на лицах, которые не имели отношения к этим событиям, – были казнены князья Юрий Иванович Кашин и Михаил Петрович Репнин (согласно рассказу Курбского, Репнина убили за то, что он отказался надеть «машкару» – потешную маску). Тогда же был казнен племянник Ивана Телепнева – Оболенского – Дмитрий Федорович Овчинин. Около этого времени казнили стародубского князя Дмитрия Ивановича Хилкова, а затем смоленского наместника Никиту Васильевича Шереметева.

30 апреля 1564 г. бежал в Литву Андрей Курбский, бывший в это время наместником в Юрьеве. Судя по его посланию старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, написанном до бегства в Литву, князь что-то знал о готовящихся против него акций со стороны царя. Бегство Курбского в литературе часто представляется чуть ли не причиной введения опричнины. Но СБ. Веселовский справедливо замечает, что это был только *один из побегов*, причем далеко не первый в потоке беглецов. Более того, в это время *митрополиту Афанасию*, занявшему митрополичью кафедру после кончины Макария, и боярам удалось уговорить Ивана Грозного не чинить неоправданных казней, и царь несколько месяцев воздерживался от них, а с Владимиром Андреевичем Старицким вроде бы даже и помирился. Но все это оказалось затишьем перед бурей.

3 декабря 1564 г. царь с царицей и сыновьями отправился из Москвы в село Коломенское. Летописец отмечает необычность этого отъезда, отличие его от прежних поездок на моление по монастырям. Царь, ничего не провозглашая, захватил с собой «святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные... и платие, и денги, и всю казну повеле взять с собою». Боярам, дворянам и приказным людям, которых он пожелал взять с собой, он приказал ехать с женами и детьми. Сопровождал этот обоз отряд дворян и детей боярских в боевой готовности: «с конми, со всем служебным нарядом».

В Москве, естественно, тревожились: никто не понимал замысла царя, поскольку никаких объявлений, куда и зачем поехал царь со всем своим сопровождением, не было. А царский обоз из Коломенского повернул в противоположную сторону, и 21 декабря царь в Троицком монастыре праздновал память митрополита Петра. Оттуда обоз отправился в *Александрову слободу*, где и остановился. И именно из Александровской слободы 3 января 1565 г. царь прислал с Константином Дмитриевичем Поливановым митрополиту и остававшейся в Москве части правительства грамоту – список, «а в нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его до его государьского возрасту». Оказавшихся в «списке» царь обвинял в расхищениях государева достояния и уклонениях от службы. Архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов он обвинил в том, что «сложася

з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми», они не давали царю наказывать виновных.

Другая грамота была адресована к «гостем» «и х купцом и ко всему православному христианству града Москвы» с повелением прочесть ее перед москвичами дьякам Путиле Михайлову и Андрею Васильеву. Царь успокаивал горожан, что «гневу на них и опалы некоторые нет». В некоторых работах эта грамота трактовалась чуть ли не как показатель демократических симпатий царя, которому бояре мешали стать истинно народным защитником. Но дело даже и не в намерении расколоть общество: купцы и посадские люди оставались вне политической борьбы и противодействия капризам царя оказать были просто неспособны. Город был парализован, поскольку никто не понимал, что происходит и что задумал царь. «Всяких чинов люди» упрашивали митрополита уговорить царя, чтобы он «гнев свой отвратил, милость показал, и опалу свою отдал, а государства своего не оставлял и своими государством владел и правил, якоже годно ему, государю». Иными словами, москвичи готовы были принять любые требования царя, в том числе и неоправданно жестокие.

В Александрову слободу направили челобитчиков. Часть их царь оставил у себя, часть вернул в Москву, с распоряжением: «Да будут они по своим приказом и правят его государство по прежнему обычаю». Челобитье архиепископов и епископов было принято на том, «что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати; а учинити ему на своем государстве опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой, а бояр и околничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и столников и стряпчих и жилцов учинити себе особно, и на дворцах на Сытном и на Кормовом и на Хлебном учинити ключников и подключников и сытников и поваров и хлебников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей и на всякий обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно».

Далее дается перечень городов, которые включаются во «вдовый удел» – опришнину: «А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих царевичев Иванов и царевичев Феодоров обиход, города и волости: город Можаяскъ, город Вязьму, город Козелеск, город Перемышльдва жеребья, город Белев, город Суздаль и с Шуею, город Галичь со всеми пригородки, с Чюхломою и с Унжею и с Коряковым и з Белгородьем, город Вологду, город Юрьевец Поволской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостями, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское селцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладожской,

Тотму, Прибужь. И иные волости государь поймал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришкнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные города и волости имати».

Иными словами, на большей части территории России, в стратегически важных областях (в частности, в опричнину вошел весь Волго-Балтийский путь, а также западные и юго-западные подступы к Москве) устанавливалась никем неконтролируемая власть. В этих городах и волостях царь намеревался разместить тысячу опричников, выселив и переселив в другие районы «вотчинников и помещиков». При этом царь предупреждал, что в будущем он может забрать и другие города и волости, не мотивируя это государственной целесообразностью. Для начала же царь истребовал от земства 100 тысяч рублей «за подъем», оговорив, что и все имущество тех, кого он захочет казнить, тоже перейдет к нему.

Уже в феврале 1565 г. «повеле царь и великий князь казнити смертною казнию за великие их изменные дела боярина князя Олександра Борисовича Горбатова да сына его кНязя Петра, да околничего Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана княж Иванова сына Сухова-Кашина, да князя Дмитрея княж Ондреева сына Шевырева. Бояр же князя Ивана Куракина, князя Дмитрея Немово повеле в черньцы постричи. А дворяне и дети боярские, которые дошли до государьской опалы, то на тех опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье с женами и с детми». Летописный перечень неполон. СБ. Веселовский обратил внимание на вкладную книгу Троицкого монастыря. В ней, в частности, записано, что 12 февраля царь прислал на помин души князя Олександра Горбатого 200 рублей, а 14 марта на помин души князя Петра Ивановича Горенского 50 рублей. Иными словами, до 14 марта был казнен и князь Горенский.

В начале XVII в. дьяк Иван Тимофеев, объясняя причины бед России в конце XVI и начале XVII в., увязал их именно с опричниной. Он не отказывал Ивану Грозному в уме, но отказывал в *благоразумии*. Царь был «к ярости удобь подвижен», а в ярости уже не знал милосердия. Согласно оценке Ивана Тимофеева, царь «от умышления же зельные ярости на своя рабы подвигся толик, яко возненавиде грады земля своя вся и во гневе своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко своеверны сотвори... и всю землю державы своя, яко секирою, напылы некако разсече». «Мню сим разделением прогневил он Господа Бога», – заключает Иван Тимофеев и напоминает заповедь: «Не может стоять царство, разделенное надвое». Скажем, *Александр Горбатый (Суздальский)*, находившийся в двойном свойстве с самим царем, был одним из лучших полководцев, по

аттестации Курбского «глубокого разума и искусный зело в военных вещах».

Следовательно,

царь собственными руками готовил поражение России в Ливонской войне, уничтожая тех, кто мог бы побеждать.

И неудивительно, что от Ивана Грозного стали разбегаться во все стороны – брат Петра Горенского бежал в Литву, но был перехвачен и посажен на кол, а 50 сопровождавших его слуг были повешены.

После конфликта 1563 г. Иван Грозный начал готовить расправу над своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем. Царь до 1566 г. провел три мены владениями, забрав у Владимира Андреевича Старицу (полученную еще отцом Владимира, Андреем Ивановичем по завещанию Ивана III) в опричнину и полностью заменив все окружение старицкого князя. И ряд последующих казней предполагал уничтожение возможных сторонников Владимира Андреевича, как единственного в то время законного претендента на царский трон.

В 1566 г. в Москве был созван *Земский собор* – последний в царствование Ивана Грозного. Участники собора проявили мужество и потребовали ликвидации опричнины. Руководила заседаниями собора Боярская дума, авторитетнейшим руководителем которой был конюший *И. П. Федоров* □
Челяднин.

Примерно тех же взглядов придерживался новый митрополит *Филипп*

(Федор Степанович Колычев), постоянно призывавший царя отменить опричнину.

Реакция царя была обычной: большая группа дворян была казнена, И.П.

Федорова □ Челяднина отправили в ссылку на воеводство в Полоцк. Не доверяя москвичам, царь вынес свой замок □ резиденцию за пределы города. Видимо, в 1567 г. он похоже в страхе, беседовал с игуменом Кирилле □ Белозерского монастыря Кириллом и хотел даже постричься в монахи. В монастыре была выделена келья для царя и две кельи для его сыновей Ивана и Федора. Тогда же царь просил и английское правительство предоставить ему убежище в случае «беды».

О намерениях царя узнали на Москве, и нашлось немало «земцев», которые с энтузиазмом

жали бы кандидатуру Владимира Андреевича Старицкого.

поддер

Царь сразу же отказался и от Англии, и от монастыря, намереваясь уничтожить вся и всех, кто мог поддержать его двоюродного брата. Поэтому главной заботой царя в 1568 – 1570 гг. стало именно «дело» о заговоре Старицких. Но сам Владимир Андреевич не был способен что □ либо возглавить и психологически давно уже был сломлен. В 1567 г. он предает И. П. Федорова □ Челядина, готового поддержать кандидатуру старицкого

князя, сообщив царю о «заговоре» конюшего. Опричники разорили вотчины И.П. Федорова и Челядина и казнили многих его слуг и приверженцев. Однако сам конюший тогда избежал худшего благодаря заступничеству митрополита Филиппа, который во время богослужения в Успенском соборе 22 марта 1568 г. потребовал от царя прекращения кровавого террора. Летом того же года произошел окончательный разрыв митрополита с неумным самодержцем. Филипп ушел в монастырь Николы Старого, но сложить с себя митрополичий сан отказался. В сентябре 1568 г. царь создал опрично-духовную комиссию для расследования «преступлений» Филиппа в бытность его игуменом Соловецкого монастыря. Никаких «преступлений» обнаружить не удалось, но в ноябре митрополит был насильственно низложен и отправлен в заточение в Тверь в Отрочь монастырь. Попутно царь устроил суд над И. П. Федоровым и Челядиным, который 11 сентября был попросту убит.

В тот же период жертвами опричного террора стали *виднейшие члены Боярской думы* – окольничие М.И. Колычев и М.М. Лыков, государственный казначей Х.Ю. Тютин, земские воеводы А.И. Шеин и Морозов, Ф.А. Карпов, М.А. Карпов, И.Б. Колычев, В. Колычев. Казнены были также князь А.И. Катырев, трое князей Хохолковых, князь В.К. Курлятев, Ф.И. Троекуров и Ф. Сысоев, сотни дворян и других служилых людей.

Осенью 1569 г. осуществилась окончательная расправа с Владимиром Андреевичем Старицким. Сначала он был отправлен в почетную ссылку в Нижний Новгород. Затем опричники, в частности Василий Грязной и Малюта Скуратов, организовали провокацию, приписав старицкому князю намерение отравить царя. Владимир был доставлен в царский лагерь, и 9 октября царь заставил своего двоюродного брата выпить яд, а 11 октября царь расправился с его матерью – Ефросиньей. Ее забрали из Горитского монастыря на Белоозере и на речных стругах повезли в Александрову слободу, куда царь переселился из Москвы. Как сообщает Пискаревский летописец, царь «по дороге велел ее уморить в ызбе в дыму». Эту участь разделила и вся свита Ефросиньи, в том числе старицы того же монастыря.

Внешнеполитическое положение России заметно ухудшилось после объединения Литвы и Польши в 1569 г. в единое государство – *Речь Посполитую*. По существу, исключалась возможность каких-либо активных действий в войне, и Россия просит теперь о перемирии. На юге в это же время активизировалась Турция, намеревавшаяся захватить весь юг России. Несколько облегчала положение усобица в Швеции, где Эрик ХГУ, опасаясь за свою жизнь, готов был даже просить в России убежища. Но осенью 1568 г. Эрик был свергнут, и отношения со Швецией осложнились.

От «дела» Старицких царь с опричниками решили протянуть нити и к *Новгороду*, где, конечно, сохранялись антимосковские и тем более антиопричные настроения. Падение Изборска в 1569 г. в ходе Ливонской войны он справедливо связывал с изменой некоторых русских. Но, как и обычно в опричнину, казнили не виновных, а *подозреваемых*.

В числе же подозреваемых оказались едва ли не все новгородцы. Из Пскова и Новгорода было выселено более двух тысяч человек как неблагонадежных. Новгородское «изменное дело» увязали с представителем знатного старомосковского боярского рода Василием Дмитриевичем Даниловым. Он представлялся как бы связующим звеном между Владимиром Андреевичем Старицким, и новгородцами, и был казнен опричниками во время новгородского погрома. Естественно, как практически и все «дела» опричников, и дело В.Д. Данилова, и все «новгородское изменное дело» были фальсифицированы, и опричники, пользуясь безнаказанностью, наслаждались жестокостью, грабили и убивали, не неся никакой ответственности.

В конце **1569 г.** опричное войско двинулось в поход на Новгород. Первым серьезным городом на пути была *Тверь*. Здесь в Отроче монастыре все еще находился низвергнутый митрополит Филипп. Царь и его советники решили использовать бывшего митрополита против духовенства Новгорода, тем более что отношения у Филиппа с новгородским архиепископом Пименом были напряженными. Но Филипп занял принципиальную позицию, осуждая опричный террор, и Малюта Скуратов 23 декабря задушил его. Сама Тверь была разгромлена. Иностранные источники называют фантастические цифры жертв: 60 и 90 тысяч, но, видимо, достоверна цифра 9 тысяч. Сотни переселенных сюда псковичей и новгородцев были истреблены полностью. По пути к Новгороду опричники грабили и убивали по всем городам без счета. Царь распорядился убивать всех, кто пытался бы проехать по новгородской дороге или проникнуть в опричный лагерь, дабы никто не мог предупредить новгородцев о надвигавшейся на них грозной опасности.

2 января 1570 г. опричники подошли к Новгороду и обложили его со всех сторон «кабы не один человек из града не убежал». Первыми жертвами опричников стали монастыри и храмы. Они были полностью разграблены (в Новгороде и под Новгородом было 27 монастырей), а монахов и священнослужителей попросту убивали сотнями. Новгородский летописец описывает страшную картину зверств опричников. Монахов вывели на рыночную площадь и забили «палицами насмерть», а убитых затем развезли по монастырям для погребения. На уже ограбленные монастыри была наложена еще и контрибуция: архимандриты должны были передать в опричную казну по 2 тысячи золотых, настоятели – по тысяче, соборные старцы – по 300 – 500 золотых. Ограбленные монастыри и церкви, конечно, не могли внести такие суммы, и царь распорядился «бити их приставом из утра и до вечера на правежи до искупа безщадно».

В Новгороде московские правители обычно имели резиденцию на Городище. Именно там Иван Грозный осуществлял пародию суда. Опричные «суды» выделялись даже на фоне крайне жестокого и в Европе, и в Азии XVI столетия – обвиняемых жгли на огне «некоею составною мукою огненной». Естественно, что под такими пытками истязаемые давали любые нужные мучителям показания. А обожженных «изменников» привязывали к саням длинной веревкой и волокли две версты до Новгорода, где сбрасывали с волховского моста в реку. Новгородский летописец сообщает, что на волховском мосту был устроен специальный помост, с которого бросали в реку членов семей «изменников» – связанных по рукам и ногам женщин и детей. Опричники же разъезжали по реке в лодках, и вооруженные рогатинами и топорами топили тех, кому удалось всплыть.

В этой информации летописца, видимо, зафиксирован не самый первый этап бесчинств опричников, поскольку речь идет о светском населении города. Посад же опричники начали грабить после того, как были разграблены церковные заведения и учинена расправа с духовенством. В «*Повести о приходе царя Ивана в Новгород*», включенной в новгородскую летопись, говорится, что в течение пяти недель ежедневно топили в Волхове по 1000–1500 человек: «А тот убо день благодарен, коего дни въвергнут в воду пятьсот или шестьсот человек». Пытавшихся же спастись из воды, опричники «прихватывая багры, людей копии и рогатины прободающе и топоры секуще, и во глубину без милости погружаху, предающе горцей смерти».

Сходную информацию дает и *Псковская летопись*. В ней, в частности, называется цифра: 60 тысяч «мужей и жен и детей», которых царь «в во великую реку Волхов вмета, яко и реки запрудитися». Таубе и Крузе говорят о том, что только «именитых людей» в Новгороде погибло 12 тысяч. И только в одной «скудельнице» (могильнике), по сообщению Новгородской летописи, было захоронено 10 тысяч убитых. Курбский сообщает, что лишь за один день царь перебил 15 тысяч, не считая жен и детей. Автор «Записок о России» А. Шлихтинг говорит о гибели «2770 из более знатных и богатых, не считая лиц низкопоставленных и беспредельного количества черни, которую он уничтожил всю до полного истребления». Туже цифру «именитых» называют и новгородские источники.

Откровенно *антигосударственная направленность* всего опричного террора и очевидная бессмысленность разрушения всего Северо-Запада Руси, в особенности разрушение Твери и Новгорода, породили одно любопытное объяснение многолетнего сумасбродства царя. Археолог и писатель А.Л. Никитин считает, что сообщения о рождении у отправленной в монастырь супруги Василия III Соломони Сабуровой сына (об этом упоминает и Герберштейн, посетивший Москву в 1526 г.), названного Юрием, достоверно. Имеются определенные следы пребывания младенца в монастыре – детская утварь. По мнению А.Л. Никитина, именно сын Соломонии Сабуровой являлся законным

наследником престола, а потому Иван Грозный всю свою деятельность направил на поимку и уничтожение старшего брата. По мнению автора, Тверь была разрушена потому, что царь предполагал захватить там брата. Тот же мотив двигал им и в походе на Новгород. И хотя версия А.Л. Никитина выглядит почти фантастической, в его очерке затронуты много эпизодов и фактов, которые пока не находят объяснения в исторической литературе.

После Новгорода карательная экспедиция была направлена на *Нарву и Ивангород*, а сам царь направился к Пскову. Здесь тоже начались казни, хотя Псков традиционно тяготел к Москве. У Таубе и Крузе приводится, видимо, широко распространенный рассказ о том, почему царь внезапно прекратил репрессии в Пскове. Псковский юродивый Никола пришел к Ивану Грозному и предупредил: «Ивашка, Ивашка, до каких пор будешь ты без вины проливать христианскую кровь. Подумай об этом и уйди в эту же минуту или тебя постигнет большое несчастье». Псковская летопись передает ту же версию в несколько ином освещении: царь «нивочто же вменив, повеле у святыя Троицы колокол сняти, того же часа паде конь его лутчий по пророчеству святого». Именно это обстоятельство и напугало царя. Суеверия проявлялись в его действиях постоянно. И он мог действительно всерьез напугаться. Во всяком случае, он немедленно покинул Псков и отправился в Александрову слободу.

Опричники продолжали бесчинствовать в Новгороде и Новгородской земле весь 1570 и еще 1571 г. Хозяйство страны было разрушено до такой степени, что голод охватил не только Северо-Запад Руси, но и центральные области. В Москве цены на рожь поднялись в 10 – 20 раз, а в Подмосковье иностранцы, в частности польские послы, побывавшие в Москве летом 1570 г., всюду видели множество брошенных мертвых тел людей, погибших от голода. И в этих условиях царь замыслил продолжение войны за Ливонию, причем теперь предстояло воевать со Швецией при весьма ненадежном нейтралитете Польско-Литовского государства.

В нашей литературе были попытки найти в этих бессмысленных расправах какую-либо объективную закономерность и необходимость. В 1964 г. А.А. Зимин оправдывал явно безумные действия царя необходимостью «сокрушить это государство в государстве – церковь». Но уничтожение отдельных высших церковных чинов (например, митрополита Филиппа) ни в коей мере не затрагивало сути отношений власти и церкви, тем более что Иван Грозный твердо держался традиций «иосифлянства». Скорее, речь шла лишь о *личном*

приоритете. И в этом случае царь мог устранить нежелательного митрополита, а потом каяться безмерными пожертвованиями монастырям.

По возвращению из Новгорода царь имел длительный разговор с печатником, «канцлером» *И. Висковатым*. Содержание этого разговора передает А. Шлихтинг. Печатник советовал, чтобы царь не проливал столько крови, «в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь, не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей». Царь разумных советов не терпел и разразился угрозами: «Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось. Надеюсь, что смогу это сделать, а если дело дойдет до крайности и Бог меня накажет и я буду принужден упасть ниц перед моим врагом, то я скорее уступил бы ему в чем-либо великом, лишь не стать посмешищем для вас, моих холопов». И царь не забыл этого разговора Висковатому.

И. Висковатый в течение двадцати лет возглавлял Посольский приказ, а фактически контролировал приказный аппарат, поскольку вместе с казначеем Фуниковым ведал «государеву казну» – Казенный приказ. В качестве печатника он утверждал все важнейшие документы, исходившие из других приказов. К тому же он пользовался поддержкой Захарьиных и близких им бояр, а также главы Боярской думы Шереметева. По существу, в этом лагере оказалось почти все боярство. А у Висковатого были основания беспокоиться и за свою жизнь, поскольку в июле 1570 г. после жестоких пыток был казнен его родной брат Третьяк, которого связали с «заговором» Владимира Старицкого. Теперь же Висковатого и приказную оппозицию решили связать с новгородским «делом». Чудовищные пытки сотен новгородцев позволили опричникам получить нужные им показания против Висковатого и боярского кружка Захарьиных. На Висковатого «повесили» и провалы во внешней политике, действительным виновником которых был сам царь и его опричные советники.

25 июля 1570г. на рыночной площади в Китай-городе, именовавшейся Поганой лужей, состоялась массовая казнь «изменников». Царь поначалу намеревался учинить и Москве такой же разгром, как в Новгороде, и практически все население города разбежалось по домам и возможным укрытиям, а у Поганой лужи не оказалось ни одного «зрителя». Столь явная реакция москвичей на действия царя заставила его изменить тактику: он объявил, что «сложил... свой гнев» с жителей города, после чего часть приведенных на казнь даже передал «земцам». А затем начались казни.

Как и можно было предполагать, первыми были казнены И.М. Висковатый и Н.А. Фуников, а также глава Поместного приказа В. Степанов (Угримов), глава приказа Большой казны И. Булгаков и глава Разбойного приказа Г. Шапкин вместе с их семьями. Висковатого пытались купить: требовали от него признаться в своих «преступлениях» и просить царя о помиловании. Но он ответил на эти «уговоры» проклятиями: «Будьте прокляты кровопийцы, вместе с вашим царем». Это были последние его слова.

Висковатого раздели донага и привязали к бревнам, составленным – по сути дела, богохульски – в виде креста. Казнь Висковатого начал Малюта Скуратов и закончил опричник И. Реутор – распятый на кресте был разрезан живьем на части. Также твердо держался и Фуников, отказываясь признать за собой какую-либо вину, – его сварили, обливая кипятком. За четыре часа было казнено, по разным сведениям, 120 – 130 человек. Позднее они были внесены в «Синодик опальных», в котором Иван Грозный каялся в своих прегрешениях. После расправы с московскими дьяками началась расправа с новгородскими. По тому же Синодику было казнено 50 – 70 новгородских дворян и приказных людей, а также лица из дворцовой прислуги – все были утоплены в реке. При этом «чернь» и члены семей, также предаваемые казни, в счет не шли, но очевидцы называют примерно 80 казненных жен и детей «изменников».

Между тем разногласия проникли и в среду опричнины. Создатели сыскального ведомства опричнины *А. Вяземский* и *А. Басманов* были подвергнуты публичному избиению палками, причем Вяземского заставляли при этом вносить ежедневно 1000, затем 500 и 300 рублей. Откупаясь, Вяземский оговорил ряд богатых московских купцов, якобы бравших у него в долг деньги и тем пришлось оплачивать несуществующие долги. Вяземский, наконец, был сослан на Волну в Городецкий посад, где и умер «в железных оковах». Из опричнины были изгнаны и все его родственники. Примерно такая же картина была и с родственниками казненного Басманова и братьев Очиных. Из опричнины были изгнаны все Плещеевы.

На настроения царя оказывали, конечно, влияние и неурядицы в личной жизни. Когда в 1560 г. на восьмом дне после кончины Анастасии он посватался к сестре польского короля Екатерине и получил отказ, это послужило основанием для начала военных акций против обидчиков. В 1569 г. скончалась *Мария Темрюковна*, которая, по некоторым данным, советовала царю ввести опричнину. Теперь выбор невесты был поставлен как важное государственное мероприятие. В Александрову слободу свезли 2 тысячи девушек. После тщательнейшего отбора царь остановился на

Марфе Собакиной,

а сыну Ивану определил в жены Евдокию Сабурову. 28 октября состоялось венчание, но уже 13 ноября Марфа умерла, видимо, не выдержав бесцеремонности и разнузданности своего нечаянного супруга. В следующем году отец Марфы коломенский сын боярский Василий Большой Собакин был пострижен в Кириллов монастырь, а трех его племянников казнили по обвинению, что они будто хотели царя «чародейством извести». Церковь признавала законными только три брака. Пришлось созывать церковный собор, который 29 апреля 1572 г. разрешил царю четвертый брак с

Анной Колтовской,

уже через год сосланной в монастырь. Далее последовало еще три брака, уже *без церковного благословения*,

ибо церковь не могла пойти против канона.

Распри и беспринципная борьба в самой опричнине привели к тяжелейшей трагедии – крымский хан Девлет-Гирей 24 мая **1571** г. беспрепятственно сжег Москву, а *опричное войско* не смогло его остановить. По сообщению летописи, «Москва згорела вся: город и в городе государев двор и все двory и посады все и за Москвою: и людей погорело многое множество, им же не бе числа; и всякое бо гатество и все добро погоре». В итоге и «хоронити некому было». Англичанин Ускомби, находившийся в это время в Москве, сообщал в письме, что многие русские «были уведены крымскими татарами... Крымцы возвратились восвояси с чрезвычайной добычей и бесчисленным множеством пленных». С одной стороны, крымцы, а с другой – неистовость царя погубили много людей, так что «народа уцелело мало».

Вскоре Девлет-Гирей решил повторить набег, рассчитывая теперь легко завоевать всю Россию. В районе Серпухова татарское войско переправилось через Оку, но *земское войско* во главе с *М.В. Воротынским* нанесло татарам сокрушительное поражение при Молодях (45 км от Москвы).

Поражение опричников и победа земцев имели, естественно, определенный психологический эффект. *В 1572г. царь вынужден был объявить об отмене опричнины.* И хотя сам царь остался тем же капризным деспотом, нараставшая разруха в стране сокращала даже и возможности творить зло. В том же году царь пишет «завещание» (закончено оно не было), в котором кается во множестве своих прегрешений и преступлений. Но, как и ранее, слова унижения были либо неискренними, либо отражали постоянные перепады в настроении самого царя.

В 1575 г. царь разыграл еще одну форму «отречения», вызвавшую недоумение и у современников, и у историков. Он объявил находившегося на русской службе татарина *Симеона Бекбулатовича* «великим князем всея Руси», себя же обозначал как «князя Московского». Конечно, реальную власть не отдавал, а Симеон Бекбулатович был не из числа тех, кто за власть боролся. Думается, что В.И. Корецкий нашел правильное объяснение очередным причудам самодержца. Иван Грозный постоянно был окружен прорицателями и астрологами, поскольку верил он больше всего в нечистую силу. Странное поведение Ивана Грозного на сей раз вызывалось тем, что кто-то из прорицателей предрекал смерть царя Московского в 1575 г. Симеон Бекбулатович и должен был принять на себя этот удар. Но год прошел, ничего не случилось, и царь вновь расположился на троне.

Между тем продолжалась Ливонская война, и дела в ней шли все хуже и хуже. Датский принц Магнус, владевший старым русским островом (Ейсюсле – в исландских сагах, Эзель – в немецкой транскрипции), бывший некоторое время союзником России, готовил измену. Главное же – опричнина настолько разорила страну и подавила чувство сопричастности к судьбе страны практически у всех слоев населения, что воссоздать вполне боеспособное войско было невозможно.

Весной 1579 г. царь в очередной раз серьезно заболел. В Александрову слободу были вызваны бояре и высшее духовенство, которым царь объявил, что преемником его будет старший сын Иван и призывал верно служить будущему государю. *Иван Иванович* (1554–1581) пользовался и без того большим уважением в земстве, а теперь становился центром притяжения многих из тех, кто старался держаться в стороне от более чем непостоянного царского двора.

Царевич действительно понимал государственные интересы и настаивал на активной политике в отношении противостоящих в войне стран и активизации военных действий, будучи всегда готовым возглавить собранные в кулак русские военные силы.

Но царь выздоровел, и успехи сына теперь вызывали у него ярость.

Отношения у сына с отцом и ранее складывались весьма непросто. Царь отправил в монастырь двух жен, которых сам же и выбрал для сына. Не жаловал он и третью жену сына, *Елену Шереметеву*, поскольку считал *Шереметевых* вообще своими врагами. Старший из Шереметевых – Иван Васильевич Большой – побывал в тюрьме, подвергся пыткам и ушел в монастырь, спасаясь от преследований царя, второй – Никита – был казнен. Младших царь тоже обвинял в «изменах», но один из них погиб под Ревелем, а другой в 1579 г. попал в плен к полякам и перешел на службу к Стефану Баторию.

Трагическая развязка наступила в **1581 г.** Разные источники рисуют примерно одну и ту же картину. Царь зашел в покои сына и увидел лежащую на скамье его беременную жену в нижнем платье (на женщине должно было быть не менее трех рубах, чтобы считаться одетой). Царь начал колотить сноху посохом. На шум в комнату вбежал Иван и якобы бросил отцу упрек: «Ты без всякой причины отправил в монастырь моих первых жен, а теперь ты и третью бьешь, чтобы погиб сын, которого она носит в чреве». Грозный действительно не хотел наследника от Шереметевой. От побоев она разрешилась от бремени уже в следующую ночь, но внук царя родился мертвым. Избил царь и сына, пытавшегося защитить жену. Иван был тяжело ранен в голову и на пятый (по другому источнику на одиннадцатый) день – 19 ноября – умер.

В феврале 1582 г. царь собрал Боярскую думу и обратился к ней с длинной речью. Он вновь объявил о намерении уйти в монастырь, признал, что наследник умер от его «грехов», но не прояснил в какой форме эти «грехи» выразились. Думе была предложена кандидатура второго царевича *Федора Ивановича*, но, зная, что Федора никто всерьез не принимал, Иван Грозный позволил боярам выдвинуть какую-нибудь свою кандидатуру. Естественно, никакой «своей» кандидатуры бояре выдвигать не стали, понимая, что и «кандидатуру», и тех, кто ее выдвинет, царь казнит. В итоге бояре согласились признать преемником Федора Ивановича, а царя просили повременить с пострижением, пока дела в стране не наладятся.

Как и обычно, царь присматривался, кто из бояр для него в настоящее время наиболее опасен. Теперь под подозрение попали *Шуйские*. Василий Иванович Шуйский, будущий царь, был арестован и затем передан на поруки его младшим братьям. Таким образом, царь как бы связал их общей ответственностью.

Но соотношение сил опричников (остававшихся при царе и после отмены опричнины) и земства заметно и даже резко изменилось в пользу земства, которое только и располагало боеспособными воинскими соединениями.

Царь теперь разыгрывает роль благодетеля, кается в прошлых грехах, обильно раздает монастырям вклады по «прощенным» им задним числом жертвам репрессий. В марте 1582 г. Боярская дума приняла закон о суровом наказании лиц, подающих ложные доносы (особенно суровым казням подвергались холопы, доносившие на своих господ). Но царь, по существу, уходил отдел, поскольку был уже неспособен творить даже зло.

Последней (обычно считают седьмой) женой Ивана Грозного стала *Мария Федоровна Нагая* (ум. 1612 г.),

на которой он женился в 1581 г. и от которой родился его последний сын *Дмитрий*.

Но едва женившись, и даже после рождения сына, царь усиленно сватался к племяннице английской королевы Марии Гастингс. Конечно, он получил отказ, и на его психическое состояние этот факт тоже произвел определенное впечатление.

Последние полтора года жизни он находился в полной растерянности, а его попытки привлечь Англию в союзники, равно как и намерения вообще уехать в Англию, и в Англии, и в России воспринимались как бред безнадежно больного человека. 18 марта 1584 г. Иван Грозный скончался, оставив стране тяжелейшее наследство.

Ливонская война началась до опричнины и закончилась после ее крушения. Между тем они были тесно связаны в различных отношениях. *Они были порождены одними и теми же причинами – явным расколом царя со своими ближайшими советниками и стремлением его к безграничной власти.*

Именно поражения на фронтах Ливонии побудили царя окончательно отказаться от

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 Г.

Автор: pavel

11.04.2020 13:23 - Обновлено 11.04.2020 13:29

земского строя и придумать для себя «опричнину». Введение же опричнины в конечном счете привело к поражению России в Ливонской войне. И прав был упомянутый выше дьяк Иван Тимофеев, написавший в начале XVII в.: «Не может стоять государство, разделенное надвое».

Продолжение следует